

Василий ПЕСКОВ

С радостью
Василий!

Юбер

ПО ЗИМНЕМУ СЛЕДУ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

Василий Песков. Полное собрание сочинений

Василий Песков

**Полное собрание сочинений.
Том 7. По зимнему следу**

«ИД Комсомольская правда»

ББК 94

Песков В. М.

Полное собрание сочинений. Том 7. По зимнему следу /
В. М. Песков — «ИД Комсомольская правда», — (Василий
Песков. Полное собрание сочинений)

ISBN 978-5-87107-856-3

В 7-й том собрания сочинений знаменитого журналиста
«Комсомольской правды» Василия Михайловича Пескова вошли
новеллы из его личной рубрики «Окно в природу», репортажи
из поездки по Африке и уникальное интервью с легендарным
Маршалом Победы – Георгием Константиновичем Жуковым.

ББК 94

ISBN 978-5-87107-856-3

© Песков В. М.

© ИД Комсомольская правда

Содержание

Предисловие	7
1969	9
Волк	9
Еще один взлет	14
Лиса в окладе	17
Первая	21
Фото В. Пескова и из архива автора. 4 февраля 1969 г	28
Где зимовал аист?	37
Мещерский дневник	40
Дар-эс-Салам, начало пути	49
Дорога	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Василий Песков

Полное собрание сочинений. Том 7. По зимнему следу. 1969–1970

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

* * *

«Мы не можем быть равнодушными к оскудению мира, частью которого сами являемся. Наша совесть и разум, воспитание наших детей, законодательство – все должно служить защите и покровительству существ с нами на планете Земля. Ибо ничего нет печальней картины, чем человек в умолкнувшем синтетическом мире».

В. Песков

Предисловие

Василий Михайлович Песков как-то особенно точно умел выбирать людей, о которых писал. Мы многих из них не знаем да и не знали никогда, а читать интересно. Бабка Атониха на переправе через реку, Лыковы из «Таежного тупика», летчик Девятаев, улетевиший из фашистского плена с товарищами на угнанном самолете... Песков всех их открывал в своих странствиях.

Но интервью с одним человеком – просто уникально. Потому что человека этого знал весь мир, а мы называем Маршалом Победы. Георгий Константинович Жуков.

И это предисловие будет про Пескова и про Жукова.

С 1958 и до 1970 года маршал был, как деликатно сказал об этом Песков, «в тени», а по сути – в опале. И Василий Михайлович стал первым журналистом, который сделал с ним интервью на исходе этой опалы. На целую полосу в «Комсомолке». Сохранилась запись самого Василия Михайловича о той уникальной встрече. Так что пусть расскажет сам Песков об уникальном своем интервью.

* * *

«С маршалом Георгием Константиновичем Жуковым я встречался не один раз. Начало всему положила первая встреча 27 апреля 1970 года. Приближалась 25-я годовщина Победы. Очень хотелось поговорить с одним из главных ее творцов. Но существовали сложности. Имя маршала было в тени. В юбилейные даты Жукова вспоминали, но с какой-то странной осторожностью, дозированной осмотрительностью. В то же время вышла и пользовалась громадным успехом книга его мемуаров. В те дни меня к Жукову влек обостренный человеческий интерес и в немалой степени ощущение поправленной справедливости. Одним словом, ко дню 25-летия Победы хотелось поговорить именно с Жуковым.

С благодарностью вспоминаю Вадима Комолова. В прошлом журналист «Комсомольской правды», он много сделал, работая в издательстве АПН, чтобы книга Георгия Константиновича «Воспоминания и размышления» увидела свет при жизни маршала. Я попросил Вадима: нельзя ли познакомиться с Жуковым? Через два дня Вадим позвонил: «Жуков ждет нас в двенадцать часов».

И вот 27 апреля 1970 года мы едем на подмосковную дачу. Лесное, уютное, тихое место с двухэтажным домиком за оградой. С большим волнением переступал я порог этого дома. (Дачу Жукову подарил Сталин после разгрома немцев на подступах к Москве.)

Из глубины большой залы вышел, помню, опираясь на палочку, седой уже, подкошенный временем человек. Приветливо поздоровался, посмотрел внимательным взглядом, предложил чаю.

Знакомясь, говорили о новостях, о погоде, о наступающем празднике. Минут через десять перешли к делу. Я сказал, что газета для нашей беседы готова предоставить целую полосу, что все, чего мы коснемся, будет показано до публикации маршалу. Жуков кивнул. Часть вопросов в письменном виде я передал ему ранее, на другую половину вопросов он отвечал в ходе живой беседы. Я пользовался только блокнотом и очень жалею об этом. Магнитная запись сохранила бы голос дорогого нам человека, его манеру говорить, мыслить.

Беседовали долго. Я спрашивал, Жуков отвечал, иногда уточняя вопрос. В одном месте, помню, он вдруг поднял брови: «Василий Михайлович, но это вопрос для ротного командира...» Я возразил: «Мы хотим показать вас не только маршалом, но и человеком».

В перерыве фотографировались с дочерью. Потом Жуков подарил мне книгу, только что полученную из Парижа. Я, в свою очередь, передал подарки нашей редакции: пластинки с записью голосов птиц и с песнями времен войны... Уезжали уже в темноте.

Запись беседы мы решили показать Георгию Константиновичу не отпечатанной, как принято, на машинке, а уже набранной в типографии и сверстанной в газетную полосу с фотографией, заголовком. Взглянув на оттиск, Жуков сдержанно улыбнулся: «Вот так и напечатаете?..» – «Да, с вашими поправками, Георгий Константинович». Жуков, помню, неторопливо надел очки и стал читать, не присаживаясь. Потом, попросив подождать, поднялся на второй этаж. По некрутой деревянной лестнице он шел, держа перед собой газетный лист, и читал.

Минут через сорок опять заскрипели ступеньки. По лицу Жукова мы поняли: возражений нет. Действительно, в набранном тексте было сделано две поправки – Жуков точнее сформулировал мысль о том, что Сталин, вопреки множеству сведений – «война на пороге», упорно надеялся оттянуть, отодвинуть войну.

Успех публикации в «Комсомольской правде» был громадным. Газету, помню, читали вслух в домах, во дворах. Редакция получила множество откликов. Тысячи писем получил и сам маршал. По ним он почувствовал: народ, страна его помнит, относится к нему с огромным, искренним уважением, понимает роль Жукова в войне и место его в истории.

Позднее я виделся с Георгием Константиновичем при разных обстоятельствах. Он звонил, например: «У меня в гостях товарищи из Монголии. Приезжай и не забудь фотокамеру»...

Из бесед о войне и событиях тех лет считаю долгом привести ответ Жукова на вопрос: как он относится к словам «Сталин руководил войной по глобусу»? Ответ был таким: «Чепуха. Сталин так войну понимал, что даже я иногда склонял перед ним голову. И если в первую половину войны он, случалось, бывал растерянным, делал ошибки, то вторую половину войны он полностью соответствовал тому, что требовала обстановка от его ответственной роли Верховного главнокомандующего». Это взвешенные слова...

После смерти жены Георгий Константинович почувствовал: дни его сочтены. В последнюю встречу он прямо сказал об этом: «Все. Надо готовиться. Пистолет, саблю, бурку отдал в музей. Возьми что-нибудь себе на память». Я стал отказываться: «Все надо отдать в музей...» – «Ну хорошо. Зайдем в этот чулан. Тут хранятся мои рыболовные снасти. Бери что хочешь...»

Как дорогая реликвия хранится у меня жестяная зеленого цвета коробка с крючками и блеснами. Одна из блесен сделана из пряжки солдатского ремня самим маршалом...»

* * *

А само интервью вы найдете в этом томе. Читайте, это уже история...

Андрей Дятлов,
заместитель главного редактора «Комсомольской правды».

1969

Волк

Окно в природу

Нас разделяют шагов пятнадцать. Я стою как раз на тропе, по которой он не один раз пробегал. Несколько сильных прыжков, и волк будет возле меня. Но он стоит неподвижно. Увидав человека, он согнул и приподнял переднюю лапу. Точно так же на охоте, почуяв дичь, делает стойку собака. Полминуты в озадаченной позе, и волк опускает лапу, не теряя, впрочем, интереса к стоящему против него. Я не делаю резких движений, и волк терпеливо сносит щелчки аппарата. В объектив я хорошо вижу два чуть прищуренных коричневых глаза, два небольших твердых уха над скуластой, почти округлой мордой, темной вверху и дымчато-серой снизу. Ни страха, ни злобы я не вижу в глазах. Темная шерсть на крутом лбу слегка шевелится. Не сомневаюсь, что вижу в кадре мыслящее существо. Мне кажется даже: спроси что-нибудь – слова не останутся без ответа.

Неподвижно стоит. Я расстегнул полушубок, аккуратно пробираюсь за пазуху достать светофильтр. Все. Волк крутнулся на месте и своим следом скрылся в березах. Я вижу, как мелькает в просветах серовато-дымная тень. Ни звука, ни шороха. Через минуту он появляется от меня справа, уже не один. Теперь три волка, чуть пригнувшись, изучают фотографа. Расстояние по-прежнему шагов двадцать. Я не подвергаюсь опасности, хотя маленький риск все же есть.

Нас разделяет метров пятнадцать.

Трое волков живут в огороженном человеком леске. Тут у волков есть где спрятаться, есть недлинные тропы и места лежек. В подобной неволе волки не должны потерять природных повадок, и, стало быть, зоологам можно будет понаблюдать кое-что интересное.

Я перевожу объектив и вижу одну, вторую настороженную морду. Особенно запомнится средний волк, самый большой. Мудрый, немного усталый взгляд. Какая мысль в эту минуту шевелится под крутым волчьим лбом?

Несколько лет назад я завел папку с надписью «Волк» и стал в нее складывать все, что касалось этого зверя: газетные вырезки, книги, листки с личными наблюдениями, свидетельства биологов и охотников, рассказы о необычных встречах с волками, фотографии зверя. Недавно друзья прислали мне снимок памятника последнему волку, убитому немецким охотником.

Человек поставил немало памятников животным: собакам, лошади, дельфину, селезню, предупреждавшему жителей маленького городка о приближении самолетов-бомбардировщиков... Но памятник волку, извечному врагу человека?.. Удивление, однако, проходит, когда поближе узнаешь природу, повадки и образ жизни существа, справедливо гонимого человеком. Застреливший последнего волка снял перед ним шапку так же, как мудрый полководец обнажает голову при виде поверженного, но достойного уважения врага. Думаю, что немецкий охотник, убивший последнего волка, вздохнул. Он понимал: природа вокруг него будет беднее, скучнее и проще.

Такие же вздохи я наблюдал и у наших охотников. «Волков не стало...» – говорил мне опытный воронежский волчатник Василий Александрович Анохин, истребивший за свою жизнь не менее сотни зверей, хорошо знающий повадки волков и потому относящийся к ним с благоговейным уважением.

В европейской части страны волки становятся редкостью. И скорее всего именно по этой причине наш интерес к зверю в последнее время сильно повысился.

Листаю содержание своей папки. «Волк забежал по лестнице на пятый этаж строительства и сунул нос в сумки с едой. Рабочие, приняв его за собаку, подняли шум. «Собака» с испугу кинулась в окно. Но высота пяти этажей оказалась для нее роковой. Разглядели хорошенько, позвали охотников – волк!» Это пятилетней давности заметка в московской газете. Примерно в это же время поймали волка не где-нибудь – между павильонами ВДНХ.

Кое-кто, возможно, подумал: вот развелось, в город забегать стали. Но это были, наверное, последние могикане московских лесов. Охотников за их шкурой было не счесть. Издавна облавы, волки сообразили: искать убежища надо поближе к городу, где нет охоты, где никто не ждет появления волков. Волкам тут не надо было даже охотиться – хватало всяких отбросов. Иногда, впрочем, они могли прищучить кошку или собаку – это обычные жертвы волков в голодное время. Погибли звери нелепо потому, что слишком новыми были для них условия обитания. Но, согласитесь, какая смелость – подняться на пятый этаж московского дома, пусть даже на окраине!

Впрочем, в этом нет чего-нибудь необычного. В деревнях волки частенько хватали собак из сеней у хозяина, через крыши проникали в овчарни. Волк с первобытных времен поселился на грани дикой природы и обиталища человека. Он одинаково преуспел и как вольный охотник, и как разбойник, способный без всякой необходимости убить полсотни овец.

Есть, впрочем, некая разновидность волков. Одни неотступно держатся возле селений, пробавляясь разбоем и поиском падали. Другие живут в местах глухих и кормят себя охотой. В жизни охотника риска немного, но много труда. Такие волки поменьше ростом, потощей телом. От них в отличие разбойник живет сытнее, но каждый момент его ожидает возмездие. И потому вся сила, весь ум и опыт уходят у зверя на то, чтобы выжить и приспособиться.

Такая борьба за существование выковала зверя необычайной жизненной силы, пластичности и ума.

Волк способен не есть многие дни подряд и пробежать при этом в поисках пищи полста километров за одну ночь. Его желудок принимает мерзлую падаль и кости, а при удаче он поедает все, оставляя от жертвы в точном смысле рожки да ножки. Он торопливо глотает огромные куски мяса, потому что всегда голоден и почти всегда обедает не один, а за волчьим столом нет братства. Съесть волк способен фантастически много. Биологи знают, сколько весит овца и сколько может вместить волчий желудок, и теряются в догадках – куда делось мясо? В крайней нужде волки находят зарытые летом кости и соскребают крохи засохшего мяса.

Удивительно было узнать: волки с большим удовольствием едят яблоки, находят в лесу землянику, жуют молочные зерна овса. Я записал наблюдения старика с Дона – волк приходил на бахчу за арбузами. «Подденет мордой и катит к логу. Кинул с обрыва, еще один покатил. Утром я нашел в яру одни шкурки»...

Известно, что волка ноги кормят. Действительно, волки – неутомимые ходоки, но при худой голове ногами не много вытопчешь. Волка кормит и голова. Сметливый. Наблюдательный. Осторожный. По крику ворона волк догадается, что где-то можно перекусить. По еле заметному следу и запаху учует опасность – презрительно помочится на капкан, обойдет лакомый, но отравленный кусок мяса. Волк издалека отличит охотника от лесоруба и грибника. По интонациям голосов на подводе поймет, надо ему бояться или не надо. Уходя от преследования, он обязательно пробежит по накатанной человеком дороге, чтобы спрятать следы, для прыжка же с дороги выберет самое скрытное место.

Семья волков идет аккуратно, след в след. Только опытный человек догадается: прошла стая, а не один волк. Групповая охота волков осмысленна и толкова. Кто-то гонит, кто-то лежит в засаде. Копытных волки стараются выгнать на лед. Бывает, они искусно направляют оленей верст пять или семь и не напрасно – на льду оленя догнать и свалить очень легко. Волк соблюдает все правила конспирации и старается ничем не выдать своего дома. С тяжелой ношей он бежит к логову многие версты и не тронет барашка, который пасется где-нибудь на виду у волчат.

Часто спорят: трусливы волки или отважны? Волк схватит собаку из-под ног человека, но в то же время волк не защищает волчат, когда счастливый пастух по одному достает их из логова и бросает в мешок. Воробей и тот защищает своих птенцов. Потому кажется удивительным равнодушие волка. Но волки вовсе не равнодушны. Вряд ли можно найти в природе более нежных родителей и мудрецов-воспитателей. Если волк заподозрил, что логово обнаружено, он немедленно хватается за холку и переносит на новое место. Но если поздно, волки скрепя сердце наблюдают за грабежом дома. Они хорошо понимают: человек только и ждет, чтобы явился родитель. Заряд картечи – и нет ни старых, ни молодых. Для продолжения рода это невыгодно. Лучше перетерпеть, затаиться и в новом году начать все сначала.

Волки – прекрасные семьянины. Из-за подруги волки грызутся насмерть. Волчица, определив избранника, нередко помогает ему прикончить соперника. Супруги не изменяют друг другу, не расстаются всю жизнь – вместе охотятся, вместе растят потомство. Отец-волк еду волчатам приносит в своем желудке. Волчица ревниво наблюдает за этим кормлением. И если подросшим детям отец уже неохотно опорожняет желудок, волчица задает ему трепку. Волчица – глава семьи. «Поженившись», волки остаются там, где пожелает волчица. Она же и главный воспитатель детей.

Курс волчьей науки длится всю жизнь. Чтобы выжить, зверь постоянно «повышает квалификацию». Но основы всех знаний дает начальная школа вблизи от логова: как выследить, как затаиться, какой момент выбрать для нападения, чего надо и чего не надо бояться в лесу. По курсу учебы однажды мать принесет полуживого зайчонка и даст его поиграть

детям – это первый урок охоты. Бывает, что жертва избежит своей участи – волчата, наигравшись с материнской добычей, ложатся спать. Чаще всего это случается со щенятами. Помните Белолобого у Чехова?

У меня в папке хранится снимок, присланный лесниками с Кавказа. Среди взятых из логова темных волчат – совершенно белый щенок. Трудно сказать, что стало бы со щенком. Возможно, он вырос членом волчьей семьи. Вообще же к собакам волки питают враждебность и смело на них охотятся. И все же давнее родство иногда дает себя знать. Известны случаи, когда волчицы брали в любовники деревенских Трезоров. Можно только гадать, каким получилось при этом потомство, волки не терпят слабых.

Вот интересное свидетельство известного зоолога Петра Александровича Мантейфеля: «Мы наблюдали в Московском зоопарке, как жестоко расправлялась волчица, а за ней и весь выводок с кривоногими и вообще слабыми волчатами. Начинается эта расправа с того, что мать останавливает пристальный злой взгляд на избранной жертве. Волчонок извивается, виляет хвостом, не знает, куда глядеть... Момент – и весь выводок бросается на него, а через несколько секунд волки треплют уже оторванную голову и лапы погибшего. Не потому ли в природе среди бродячих выводков мы не находим хилых волков?»

У волка нет врагов, кроме человека. Но это враг, выстоять перед которым волку становится все труднее. Картечь, яд, капканы волки знают давно. Теперь же, кроме всего, надо еще бояться автомобиля, самолета, вертолета, моторных саней. Я видел сверху, как волк изнемог и, упав на спину, поднял лапы навстречу нашему вертолету. «От самолета волки прячутся в хлев к овцам, забегают в крестьянские хаты, прыгают в воду», – пишет воздушный охотник. Можно только дивиться, что при такой осаде волки все еще держатся.

Волчица с волчатами.

К обреченному всегда есть сочувствие. Появилось сочувствие и к волкам. В большой степени этому помогли прекрасные книги канадцев о северном волке и новые взгляды биологов на роль хищника в дикой природе. Доказано: хищник является необходимым звеном в саморегулирующемся механизме природы. Он убивает в первую очередь слабых и этим

поддерживает естественный отбор. Стали раздаваться голоса в защиту волков. В областной газете я недавно прочел заметку о том, что волков надо допустить в заповедники: «пусть регулируют жизнь». Заметка вызывает улыбку. Автор ее ужаснулся бы, увидев, что сделает пара волков, например, с оленями в заповеднике.

В местах, где хозяйствует человек, волк всегда будет «персоной нон грата». Но разговор о разборчивом отношении к волку не лишен здравого смысла в тех районах, где дикой природы человек еще мало коснулся. Тут волк-охотник действительно держит природу «в хорошей спортивной форме».

Надо признаться: о волке, веками живущем у нас под боком, мы знаем все-таки мало, и поэтому с большим интересом читаешь всякое наблюдение. Я завязываю тесемки своей папки с надеждой, что наблюдавшие волка откликнутся на эту заметку. Все до мелочей интересно: повадки зверей, любопытные встречи с волками, способы охоты, странные случаи привязанности к человеку или нападения на него, хозяйственный ущерб от волков, интересные фотографии, документы, забытые статьи и книги. Из наблюдений интерес представляют только личные. Фантазия, домыслы, рассказы из третьих рук ценности не имеют.

Волк – уникальный, совершенный образец дикой природы. И если не суждено сохранить его на планете, так по крайней мере будем же знать, каков он, зверь, с давних времен бывший нашим врагом и соседом.

Фото автора. 7 января 1969 г.

Еще один взлет

Позавчера второй раз поднялся в воздух новый самолет конструктора Туполева. Об этом необычном аэроплане уже много рассказано. Нет нужды сейчас повторять его летные характеристики и мысли о неизбежном рождении этого пожирателя пространства (две с половиной тысячи километров в час!). Уже проверено: воздух принял машину. Она хорошо поднялась, летала и хорошо опустилась на землю.

Позавчера летчики-испытатели второй раз поднимали машину. Журналисты попросили глянуть на нее в воздухе. Это оказалось делом несложным. В одном из привычных теперь уже самолетов Ту-124 механики вынули стекла в иллюминаторах, мы заняли места. Пролетая над полосой, мы видели серебристый треугольник, толпу возле него, спустя четверть часа узнали по радио: «Взлетел хорошо...»

Потом ожидание встречи. В открытые окна нацелены объективы. Не холодно. Скорость не дает морозному воздуху ворваться в машину.

Новый самолет появился слева по борту. Белое, непривычное, красивое существо. Сейчас скорость у двух машин одинакова. Самолет, плывущий в ста метрах от нас, кажется неподвижным, застывшим у нас в окошке. На что он похож?.. Если поглядеть сбоку, можно усмотреть некое сходство с пролетающим журавлем. Летчики опускают и поднимают заостренный подвижный «клюв», и сходство с птицей от этого возрастает. Но вот испытатели чуть накренили машину. Теперь самолет напоминает что-то другое. Пожалуй, больше всего он похож на океанского ската. Природа давно выбрала различные формы тел для воздуха и воды. Человек продолжает у природы учиться или неосознанно повторяет ее творения в новых невиданных качествах...

Первый этап испытаний. Первые осмотровые шаги. Поворот. Плавное скольжение вниз. Резкий подъем. В самолете сейчас четверо испытателей и великое число всяких приборов. На контроле каждый мускул и каждый нерв новой машины.

Пятьдесят минут мы летаем рядом с аэропланом, помеченным цифрой «1». В поле зрения объектива временами попадает и маленький самолет, в точности повторяющий формы большого. Он построен, чтобы испытать возможности этой формы. «Ребенок учит папу ходить», – кричит мне в самое ухо сосед-оператор...

Немилосердно ревут турбины нашего самолета. В последний раз наклоняемся к открытым окошкам – большой и маленький самолеты делают разворот и уходят к аэродрому.

Мы садимся в последнюю очередь. У нового самолета толпа людей. Как и в первый раз, тискают летчиков и конструкторов. Еще один этап испытаний прошел успешно.

Но это только начало.

Фото автора. 10 января 1969 г.

Лиса в окладе

Окно в природу

Павлов на широких лыжах торопливо обходит лесок. Странное дело у Павлова: глянет на след и кладет в карман палочку. Входной след – палочку в левый карман, выходной – в правый. Обежал Павлов лесок, вытряхнул палочки. Все собрались в кружок, ожидают: «чет» или «нечет»? Павлов подышал на руки, аккуратно считает... Палочек девятнадцать – «нечет»! Без промедления кто-то хватает катушку с флажками и убегает по лыжному следу. Ясно: лисица в этом леске. Будь палочек, например, восемнадцать, никто с флажками не побежал бы – четное число означает: сколько раз лисица входила в лесок, столько же раз и вышла. А девятнадцать – другое дело. Теперь скорее, скорее оцепить лесок заборчиком из флажков.

Странное ограждение – шнурок и на нем кумачовые тряпочки. Шнурок висит на ветках кустов, на старых пнях, на сунутой в сугроб палке. Флажки красными пятнами исчезают за поворотом. И вот уже с другой стороны появляется потный, возбужденный окладчик. Шнурка чуть-чуть не хватило. Охотник в продолжение забора кинул варежки, шарф, комок газеты, наколол на сучок коробку от сигарет.

Все. Магический круг образован. Полушепотом Павлов определяет, кому и где становиться. В оклад уходят двое загонщиков. Теперь все просто. Надо тихо и незаметно стоять. Почуввав загонщиков, лиса пожелает покинуть лесок. Ан нет, привычным лазом пошла – флажки! Устремится в другую сторону – и там этот жуткий красный, пахнувший человеком забор. В поисках выхода лиса неизбежно выйдет на кого-нибудь из стрелков. Надо ждать.

От напряжения и тишины у меня начинает звенеть в ушах. Мороз забирается в валенки, иголками впирается в уши и щеки. В глубине леса от стужи с пушечным гулом треснуло дерево. Надо под полубубком согреть аппараты – новых образцов пленка на морозе ломается в них, как солома. Неуютно и неудобно. Стою, однако, исправно. Дятел не замечает меня, долбит гнилую осину. Серебристая кисея снега летит под ноги вперемешку с крошками дерева.

Ну что, загонщики умерли, что ли?.. Нет, не умерли. С морозным треском пролетела глухарка. Потом белый заяц выскочил на полянку. Ушастый зверь на секунду остановился, прислушался и равнодушно прыгнул через флажки.

«Ну давай, давай... Ну вылезай, рыжая...» – еле слышен приглушенный подушками снега голос загонщика. Сейчас, вот сейчас где-нибудь ухнет выстрел. А может, как раз на меня выскочит? Достая из-за пазухи снаряжение. Мне кажется, лисица должна появиться вон из той чащи...

Но из чащи, ломая сучья, вылезает обсыпанный снегом загонщик. Увидав одного из стрелков, загонщик начинает насвистывать «Летку-енку». И сразу со всех сторон голоса. Ясно, лису никто не увидел. Или от мороза в нору ушла, или, скорее всего, оклад был пустым.

– На какой елке будем Павлова вешать?!

Авторитет Павлова так велик, что он не считает нужным ответить на шутку. Важно выяснить, что же случилось. Павлов убегает поглядеть на следы. Мы же, приплясывая, считаем, во что обошлась нам осада. Потери немалые: один обмороженный нос, два уха, оператор с кировской телестудии минуту держал камеру голой рукой, теперь на руке огромный, как от ожога, волдырь...

Лиса провела восьмерых охотников просто: пока тянули флажки, она, аккуратно ступая в заячий след, ушла из леска.

Собираем флажки на катушку. С надеждой, что не всем лисам отпущено много ума, обходим на лыжах еще один островок леса. Но в этот раз число палочек четное. А солнце, обтянутое желтым морозным кругом, уже приблизилось к елкам на горизонте. «Ну что, домой?» – говорит Павлов. «Домой, домой!» – загалдела наша компания, как будто это и было самое главное на охоте.

* * *

И заскрипел снежок под широкими лыжами. Обнаружилось: от теплой лесной избы за день мы удалились километров на десять.

На полпути к дому, на высоком пологом бугре, делаем перекур. Как раз в этот момент посиневшее от холода солнце встретилось с горизонтом. Я много раз замечал: человек всегда остановится проводить глазами заходящее солнце. Ничто так в природе не бережит сердце, как это молчаливое окончание дня. Мне помнится, даже и птицы в этот момент чуть при- молкают, и ветер стихает.

Сейчас на земле полная тишина. Чуть розовеет снег. Наши тени кажутся бесконечными. Они растворяются где-то на лежащих внизу холмах. Лес по холмам темнеет брошенными в беспорядке овчинками. Вдалеке овчины соединяются в одну туманную синеватую шубу. Кажется, не будь этой шубы, земля без солнца заледенеет, и к утру не будет на ней ничего способного летать или бегать.

«Бр-р... Поди, под сорок мороз-то...» Лесок, где мы забавлялись флажками, кажется сверху маленьким пятчком. Как раз над ним пролетает сейчас стайка потревоженных кем-то тетеревов. «Глядите, глядите! Не наша ли?» По ложбине между кустами неторопливо бежит лиса. Один из охотников озорства ради стреляет вверх. Грохот звенящим клубком катится по холмам. Но лиса в нашу сторону даже и уха не повернула. Возможно, она уже нагляделась на нас из укрытия, и теперь мы потеряли для нее интерес. А может быть, и лису волнует заходящее солнце. Вот она взбежала на бугорок, села и глядит, как остывает, дымится и вот- вот исчезнет уже не дающий света малиновый круг.

* * *

В рубленой из толстых сосен избе русская печь. Заслонка открыта, жар и свет из печи такой, что за столом надо все время вертеться, подставляя теплу то один бок, то другой.

Павлов режет принесенную с мороза лосиную печенку (в минувшее воскресенье охота была удачной). Кто-то достал копченую осенью медвежатину. Явились на стол брусника, кренделя на веревочке, ну и, понятное дело, бутылка с питьем. Рядом с горячим чайником бутылка, принесенная с холода, запотела, по ней текут длинные прозрачные ручейки. Что еще надо промерзшему до костей человеку!

– Ну, за здоровье хитрой лисы...

– Печенка по-вятски! Уверяю, нигде в мире такой не бывает, – говорит Павлов и водружает на стол сковородку...

Сладко заныли ноги, огнем горят ошпаренные морозом носы и уши. Кто-то уже захрапел на разостланном полушубке. Огонь погашен, только из печи на стену падает красноватый, уже не горячий свет. Разговор вполголоса, как водится, об охоте.

– А что же, лиса через флажки не посмеет?..

– Не посмеет, боится. И волк боится, и лось...

– Зайцы, наверно, по глупости не боятся.

– Медведь не боится. Рысь тоже, сам наблюдал, не боится.

– Волки очень боятся. Помню случай, неделю держали в окладе девять волков, ждали именитых охотников. Только один ушел. По следам потом видели – полз на брюхе, в снегу под флажками глубокую борозду сделал, простите за выражение, жидким ударил от страха, а все-таки пересилил себя. А восемь остальных не посмели. Ну, всех, конечно, и положили. Вот ведь штука – флажки...

– Да что зверь, а человека возьмите. В иной жизни тоже получается круг. Простое, кажется, дело, перешагни – и все пойдет по-иному. Нет, смелости не хватает. Так и живет иной бедолага в окладе. Неверно я говорю?.. – Молчание. То ли все уже задремали, то ли о чем-то думают.

Ходивший навестить лесника Павлов пускает в избу морозное облако, вешает на гвоздь полушубок и кидает в печку пару сосновых поленьев.

Морозный узор на окошке. На полу синее пятно лунного света. А на бревенчатой стенке пляшут теплые пятна света из печи. Я засыпаю с приятной мыслью, что сегодня только суббота, что завтра мы еще всласть померзнем на перелесках.

Фото автора. Кировская область. 12 января 1969 г.

Первая

Поглядите внимательно на лицо женщины. Кем она была в жизни? Вы скажете: это учительница. Школа непостижимым путем отмечает лица своих служителей. Зинаида Петровна Кокорина почти тридцать лет была учителем и директором школы. Но ее взрослые воспитанники и недавние ученики из поселка Чолпон-Ата у киргизского озера Иссык-Куль, читая эту заметку, наверняка удивятся, узнав, что их седовласая добрая «историчка» Зинаида Петровна была летчицей. И не просто летчицей, но первой советской летчицей.

Было это очень давно, если мерить время марками самолетов. Это было в годы, когда страна не имела еще своих самолетов, летали на покупных французских: «Фарманах», «Ньюпорах» и «Моран-Парасолях». Это кажется непостижимо далеким временем, если оглянуться от рубежа, взятого новым, почти фантастическим самолетом Туполева. Но, в сущности, это было недавно, если человек, летавший на этих самых «Ньюпорах», может, в качестве пассажира, правда, через пару годков полететь на нынешнем сверхсамолете.

* * *

Зинаиде Петровне семьдесят лет. В детстве самолетов она не видела. К тому же из подвального окошка дети уральского старовера-старателя видели только ноги проходивших по улице, и была у детей игра: узнавать по ногам, кто прошел – урядник, барышня, крестьянин, приехавший из деревни.

Старатель Кокорин в горах, как видно, не нашел золотой жилы. В Перми семья его жила бедно. «Хлеб покупали у нищих, так было дешевле. Зимой я ходила в школу, а летом работала на спичечной фабрике, клеила этикетки. В десять лет обучила соседку-булочницу грамоте и принесла матери пять рублей».

Зинаида Петровна Кокорина. 1969 г.

Таким было детство. Если попытаться найти в этом детстве ростки человеческого упорства, которым отмечена жизнь этой женщины, то мы их найдем без труда. За способности Зинаиду Кокорину определили в гимназию. С великим усердием, когда надо было учиться самой и давать уроки купеческим дочкам, чтобы кормиться, Зинаида Кокорина окончила гимназию с золотой медалью и решила поехать в Петроград, в университет. Это было в 1916 году.

Представим себе пять лет петроградской учебы. Начало сознательной жизни совпало с началом революции, и человек оказался в самой середине кипящих страстей. «Это было время очень больших надежд и очень больших мечтаний. Я думаю, никогда до этого на земле люди не мечтали так смело». В 1921 году Зинаида Кокорина получает диплом преподавателя средней школы. Она едет в Киев и еще не знает своей судьбы.

* * *

«Над Киевом пролетал самолет...»

Я слушаю Зинаиду Петровну и стараюсь представить этот момент: над Киевом самолет. Мальчишки, извозчики, военные, старики, продавцы, служащие остановились на улице, открыли окна и двери, подняли головы кверху. Над городом самолет... Не первый раз пролетает, и все равно улица обо всем позабыла. Даже лошади испуганно мотают головами от непривычного грохота сверху. Легкий желтовато-серого цвета аэроплан летел по-нынешнему очень медленно, по-тогдашнему непостижимо скоро. Самолет скрылся, утих. И все на улицах потекло как обычно. Но один человек в Киеве не мог уснуть ночью после низко пролетевшего самолета. «Я думала: человек-птица, особенный он или такой же, как все?..» Мне сказали: «Зинаида Петровна, дело это мужское». Тогда я захотела узнать, а как мужчины становятся летчиками, и стала укладывать свой чемодан...»

– Дима, принеси-ка мой чемодан.

Двенадцатилетний внук, слушавший наш разговор, убегает и приносит старинный потертый и поцарапанный чемодан.

– Все, что осталось... Чудом уцелел чемодан и вот фотография...

Весной 1921 года в Качу, в школу летчиков, прибыла новая библиотекарша. Ну, прибыла и прибыла. Кто мог догадаться о тайной цели красивой высокой девушки?

* * *

Кача – это местечко в Крыму, большое, ровное и сухое пространство около моря – природой созданный аэродром. Первые самолеты не нуждались в бетонных дорожках. Качинская земля, весной покрытая маками, а летом сухой желтой травой, принимала самолет почти в любом месте. Правда, самолеты тех лет между колесами имели еще и высоко загнутую «лыжу», чтобы не запинаться, лучше касаться земли.

Зинаида Кокорина. 1934 г.

Триста мужчин учились в Каче летать. Тут были русские, латыши, эстонцы, итальянцы, индусы, болгары. «Я помню многих по именам. Ангел Стоилов был силачом-болгарином. Хорошо помню живого, неистового итальянца Джибелли, он стал потом героем Испании. Индус Керим был тихим, задумчивым человеком, перед тем как сесть в самолет, он всегда на коленях молился богу. Это были недавние пролетарии – кузнецы, слесари, переплетчики, жаждавшие летать. Мы все тогда ждали скорой мировой революции и понимали: будут бои, нужны будут летчики».

Лучше других Зинаида Петровна помнит Альберта Поэля. Этот эстонский слесарь был в Каче уже инструктором, учил летать новичков. Он имел прозвище Б о г, как, впрочем, и все другие инструкторы. И в этом слове не было никакой иронии. Каждый хорошо умевший летать казался богом даже для тех, кто сам уже понемногу летал. Высокий молчаливый эстонец чаще других стал приходить в библиотеку за книгами...

На Внуковском летном поле.

Краткости ради опустим все, что имеет малое отношение к летной судьбе Зинаиды Кокориной, но все-таки надо сказать: двое людей в ту весну узнали большую любовь. Кто обозначит меру любви? Но если и в семьдесят лет один человек говорит о другом человеке с трепетом в голосе, это, наверно, и есть высшая мера.

«Ему я первому сказала: хочу летать. И он понял... Однажды утром мы вдвоем пошли к самолету. Все помню: удивленно переглянулись механики (женщины к самолетам обычно не подходили). Помню, рукою крутнули пропеллер. Помню, побежали под крыльями красные маки. И все, что было потом, всегда вспоминалось как самый счастливый миг. Минут двадцать летали...»

В одну из суббот после этого дня летчики в Каче готовились праздновать свадьбу. В этот день молодые – библиотекарь Кокорина и летчик Поэль – готовились ехать в загс в Севастополь. А в четверг инструктор Поэль не успел вывести старый «Ньюпор» из штопора и разбился почти на глазах у невесты.

«Хоронили его в Севастополе. Вместо памятника поставили два скрещенных пропеллера, тогда всех летчиков так хоронили. Друзья говорили речи. Кто-то держал меня под руки. А я, одеревеневшая, почему-то силилась сосчитать рябившие в глазах кладбищенские пропеллеры... Вино, приготовленное на свадьбу, выпили на поминках...»

В этом месте рассказа Зинаида Петровна долго молчит. Мы глядим в окошко. На крыше соседнего деревянного дома прыгает воробей. В морозную ночь он, видно, ночевал где-нибудь в трубе. Чумазый растрепанный воробей ожил на солнышке, оставляет на ровном снегу строчки следов...

– Ну а потом?

– А потом я пошла к начальнику училища и секретарю партячейки. Постаралась им объяснить...

Наверно, нельзя мне было отказать. Через три дня я уезжала под Москву в Егорьевск. В Егорьевске проходили теоретический летный курс.

* * *

Среди мужчин в Егорьевске было четыре девушки. Но высокий инспектор, приехавший из Москвы, всех отчислил. Он сказал то же самое, что Зинаида Кокорина слышала множество раз, но сказал грубо: «Бабам не место...». Нарком в Москве, приветливый и доступный, был отечески добрым, но и он отказал: «У вас может быть столько дорог. А самолет... Ну, признайтесь, разве легко...»

Оставался один человек, который мог бы помочь двум особенно упорным – Евдокимовой и Кокориной. Человек не стал отговаривать. Он внимательно слушал, тербил кончик известной всей стране бороды и под конец сказал: «А выдержите?» Калинин вышел из-за стола, пожал руку: «Первым всегда трудно. Не отступать...»

«После курса в Егорьевске я ехала в Качу, к стареньким самолетам. За Курском по причине больших заносов поезд остановился. Пассажиры чистили путь, добывали дрова для паровоза. Под Харьковом еще одна остановка. Путь был свободным, но мы стояли. Пять минут непрерывно гудел паровозный гудок. Мужчины на морозе стояли с непокрытыми головами. Машинист, не стыдясь, плакал. В эти минуты в Москве хоронили Ленина».

* * *

А дни шли. И можно было уже сесть в самолет. И не летать еще, а просто так посидеть в кабине, потрогать крылья ладонью, крутнуть пропеллер для тех, кто взлетал, подышать запахом подгоревшей касторки. Старые, изношенные самолеты. Каждый день в них обязательно что-нибудь ломалось. Нынешний летчик изумился бы, заглянув в кабину качинского «Ньюпора» или «Авро» – ни одного прибора! Ни одного. «Работу мотора определяли на слух, высоту полета на глаз. Летали, правда, недалеко и невысоко».

Полет был праздником. Минут десять – пятнадцать праздника. Остальное – будни. Подъем до солнца, отбой поздно вечером. Переборка моторов, притирка клапанов, рулежка по полю. Моторы были недолговечные – сорок часов работы, и надо менять. Потому на каждый самолет полагалось по три мотора. С одним летали, другой стоял наготове в ангаре, третий в мастерской на починке. «Тут я хорошо узнала, что значит «не женское дело». Надо было не просто поспевать за мужчинами. Среднячком свое право я не могла утвердить. Надо было стать первой».

И она была первой во всем. Ее выбрали старостой группы. Она первая освоила самолет. И когда подошло время летать без инструктора, первой называли ее фамилию.

Можно рассказать о самом первом ее полете. Он случился 3 мая 24-го года. Но все было буднично просто. «Авро» взлетел, сделал круг и опустился в обозначенном месте. В летной практике школы это был рядовой факт: еще один курсант удачно начал полеты. В человеческой жизни это была заметная дата. Сейчас издалека мы хорошо видим: утверждая себя, человек прибавил камешек в пирамиду человеческих ценностей.

«В тот день я была просто счастлива. Мы ходили в одинаковых комбинезонах, и только букетик крымских цветов, который я получила, вылезая из самолета, отличал меня от всех остальных».

Трудным был третий ее полет. Разлетелся мотор у «Авро». Капот мотора оторвался и лег на крыло. Самолет падал, но все-таки сел. Когда разбирали полет, человек, которого в Каче все уважали, сказал: «Кокорина будет хорошим летчиком».

* * *

Она стала хорошим летчиком. **Красный летчик.** Так значилось в ее документах. Советская авиация в те годы только-только рождалась. Летали по-прежнему на покупных самолетах, названия были новые, звучные, но чужие: «Хавеланд», «Мартин-сайд», «Фокер». Конструкторы будущих «Илов» и «Яков» еще только учились. На планерных соревнованиях в Коктебеле Зинаида Кокорина познакомилась с молодыми людьми, тогда еще неизвестными. Один назвался Ильюшиным, другой Яковлевым. «Яковлев был мальчишкой, лет восемнадцать, не больше. Он увидел мои петлицы и удивился: «Вы летчик?!»

Но просто летать теперь уже мало. Зинаида Кокорина решает стать летчиком-истребителем. Опять учеба. Приемы воздушного боя, стрельба по цели, бомбометание. Два десятка мужчин и одна женщина учатся в Высшей военной школе под Серпуховом. Выпускные экзамены. Лучший результат по пилотажу и стрельбе – у Зинаиды Кокориной. Ее оставляют пилотом-инструктором в школе. Теперь она летает сама и учит летать других. Приезжают ее друзья из Качи. «Смотрю, теребят за рукав: «Зина, возьми в свою группу...»

«После Серпухова я служила в Борисоглебском и Липецком летных полках. А потом Осоавиахим».

Нынешним молодым людям надо заглядывать в энциклопедию или расспрашивать, что значит слово **Осоавиахим**.

В 30-х годах это слово значило очень много. Создавалась мощная, оснащенная техникой армия. И каждый человек, чем мог, помогал армии.

«У нас работали очень известные теперь люди. Тот же Ильюшин и Яковлев, ракетчики Цандер и Сергей Павлович Королев. Я тогда замещала руководителя авиационного отдела в Центральном совете».

Это было время, когда создавались аэроклубы и летные школы, когда почти каждый город строил себе парашютную вышку, когда летчиков готовили уже не десятками, а тысячами и летали уже на своих самолетах. Зинаида Петровна стояла во главе огромной работы. Сохранилась фотография той поры. Немецкий конструктор Фокер, прилетавший в Союз по каким-то делам, подарил «удивительной русской женщине» свой портрет с надписью, лестной для каждого летчика.

В аэроклубы из Москвы инспектор Кокорина летала на самолете не пассажиром, а летчиком. И уж, наверно, ее видели девушки в самых разных местах страны. Знаменитая летчица Полина Осипенко вспоминает: «Я была птичницей. У нашей деревни сел самолет. Вышла женщина. Я вся загорелась: и женщины могут летать?!»

За первой ласточкой, каким бы ранним ни было ее появление, весна непременно приходит. В конце 30-х годов уже сотни девушек научились летать. Полет через всю страну Осипенко, Расковой и Гризо дубовой окончательно утвердил место женщины среди летчиков. Во время войны на фронте сражались женские полки летчиков. Валентина Гризодубова командовала мужским полком дальней бомбардировочной авиации. В музее авиации и космонавтики есть снимок девушки Лили Литвяк. Она стоит рядом с обескураженным немецким асом. Аса сбили под Сталинградом. Не знавший поражения летчик пожелал увидеть, кто его сбил. И тогда вошла девятнадцатилетняя девушка в полубубке.

В войну тридцать женщин-летчиц стали Героями Советского Союза. Среди них для Зинаиды Петровны Кокориной есть особенно дорогое имя: Нина Распопова. Это ее прямая воспитанница. Она училась в Хабаровске, где Зинаида Петровна была начальником летной школы.

* * *

В прошлом году осенью Зинаиде Петровне надо было переезжать в Москву из Киргизии. Друзья осторожно спросили: «Может быть, поездом?»

«Нет, обязательно самолетом».

Ил-18 вез в Москву первую летчицу. Никто, конечно, не знал старушку, которая просилась сесть непременно возле окошка.

– Первый раз, наверное, летите? – спросила девушка-стюардесса.

– Да, дочка, первый раз за последние тридцать три года...

Тридцать лет Зинаида Петровна прожила на берегу озера Иссык-Куль. Учила киргизских и русских детей. «Прошлое постепенно забылось. Иногда казалось даже, что это не я, а кто-то другой летал. А теперь всплыло, нахлынуло...» Началось все с того, что дочь написала в Москву из Киргизии: «Может быть, кто-нибудь помнит?»

Зинаиду Кокорину помнили. Отозвалось много друзей. И вот уже полгода Зинаида Петровна в Москве...

Восемь часов, подогревая время от времени чай, мы говорим. Говорит Зинаида Петровна, я слушаю и дивлюсь бодрости, уму и обаянию семидесятилетней дочери уральского старовера.

«Дочка, можно сказать, без отца вырастала. Он тоже был летчиком. Уехал на Восток. Я считала: там он погиб. Но вот недавно дочери показали одну интересную «Доску почета». Портрет отца висит рядом с портретом Рихарда Зорге. Оказалось, они вместе работали на Востоке».

– Зинаида Петровна, не могли бы мы сделать для вас что-нибудь нужное или приятное? – спрашиваю я в конце разговора.

– Можешь, голубчик. Свози меня на аэродром. Хочу как следует поглядеть нынешние самолеты.

Мы были на Внуковском летном поле. День стоял серенький. Самолеты, оторвавшись от земли, сейчас же исчезали в холодной хмари. Зинаида Петровна ходила, опираясь на палочку, и надо было ее поддерживать за руку.

– Хотите знать, о чем думаю?.. Когда первый раз в жизни увидела самолет, было ощущение чуда. Это чувство осталось... И вот думаю: если бы мне сейчас двадцать, начала бы все, как тогда? И сама себе отвечаю: начала бы все, как тогда...

Она была первой... После хорошего снегопада попробуйте проложить лыжню для других. Даже в этом маленьком деле вы хорошо поймете, что значит быть первым.

Фото В. Пескова и из архива автора. 4 февраля 1969 г

40 дней в Африке

Череп слона и рога буйвола украшают въезды во многие заповедники Кении и Танзании.

* * *

Снимок львов сделан с расстояния пяти метров в кратере Нгоронгоро (Танзания). Мы подъехали – львы спали. Поглядев на нас минут десять, зверь опять растянулся и засопел.

Львы совсем не боятся автомобилей, принимая их, видимо, за существа вполне безобидные. Но сделайте шаг из машины... У всех хватает благоразумия не делать этого.

* * *

Более всего пленки я извел на жирафов. Они встречаются часто, почти совсем не боятся людей, и даже высокая зелень не всегда может скрыть от фотографа мирное существо Африки.

Эту группу мы встретили в долине реки Львов заповедника Серенгети. Животных кто-то, видимо, потревожил. Они сбились в тесную кучу и беспокойно двигали шеями.

* * *

Последние две недели я проявлял пленку, приводил в порядок блокноты и отвечал на вопросы друзей. Любопытно, что расспросы об Африке начинаются одинаково: «Ну, скажи, жарко?», «А еда?», «А спал где?», «Неужели без ружья, с одной камерой?»... Мы уже много знаем об Африке и все-таки начинаем с этих вопросов.

Готовясь в поездку, эти вопросы я сам задавал тем, кто уже побывал в Африке. Я прочитал и выслушал много советов, как снаряжаться в поездку. Мне сшили короткие, выше колен штаны, рубаху из светлой плотной материи, из Туркмении и с Кавказа друзья прислали занятные шапки от солнца. Знакомый врач приготовил мне аптечку весом в два килограмма. На пузырьках и пакетах поверх латинских названий было написано: «от живота», «от малярии», «от укусов змей», «от бессонницы», «от воспалений»... Большим удовольствием было в последний день путешествия раскрутить в воздухе этот мешок со снадобьем и зашвырнуть в зеленые заросли.

Соседи.

Специальная одежда тоже оказалась излишней. Обычные полотняные штаны и клетчатая ковбойка оказались самой подходящей одеждой. И очень годился хороший свитер, в котором я ездил в Сибирь и который посоветовал взять один из друзей, работавший в Африке. Конечно, это не значит, что мы не знали большой жары и что не было случая зацепить какую-нибудь хворобу. Но я не слышал, чтобы в Африке европейцы мерли как мухи. Случается, как и везде, гибнут в автомобильных авариях, а вовсе не от укусов цеце или зубов леопарда.

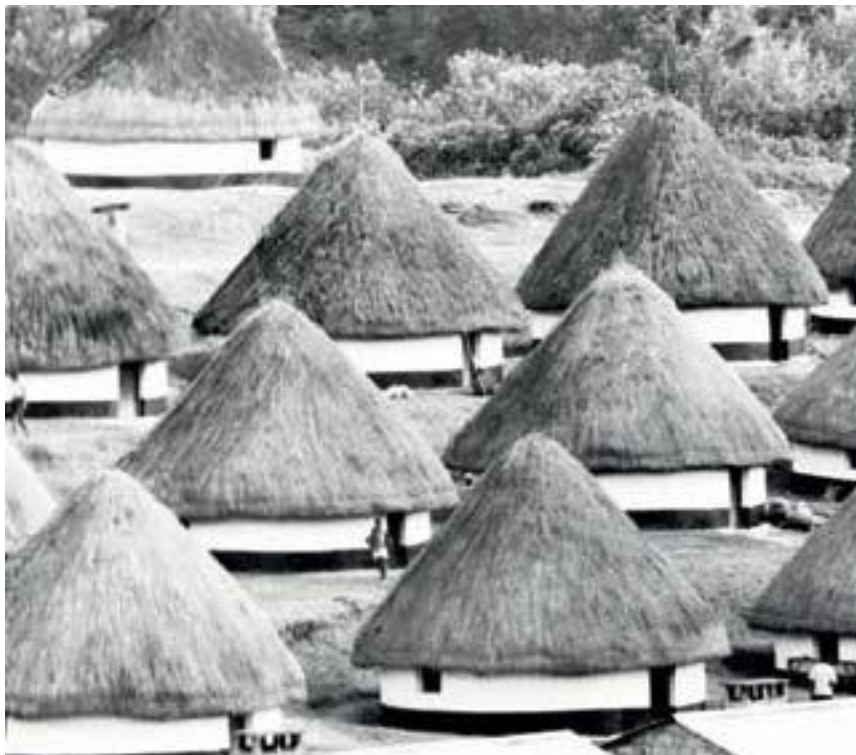

В Танзании мы имели редкую возможность летать над саванной на маленьком самолете. Мы снижались до двадцати метров и хорошо видели дикую жизнь. Тут сняты буйволы. Эти свирепые и беспокойные звери иногда собираются стадом голов до тысячи.

В заповеднике, где много туристов...

Путешествие длилось сорок дней. Двадцать пять дней – в Танзании, пятнадцать – в Кении. Всего мы проехали шесть тысяч километров. Но не надо думать, что на всех километрах мы видели что-нибудь интересное. Часто скорость (сто пятьдесят километров в час!) была нашим большим союзником. По сторонам тянулась однообразная зеленая чаща, и мы спешили в места, где ожидали увидеть что-нибудь новое.

Поселок. Круглые домики в странах Восточной Африки. По образцу этих легких и удобных жилищ строятся туристские городки.

Выбирая маршрут, мы решили: главным объектом внимания будет Природа. Дикая природа Африки сегодня одна из самых больших примечательностей планеты. Природа тут островками осталась такой, какой она была когда-то на всей земле.

Стада слонов. Жирафы возле самой дороги. Леопард на дереве, под которым делаем остановку. Тысячные стада кочующих антилоп. Страусы, обезьяны, буйволы. Мы все это видели с близкого расстояния. На маленьком самолете мы дважды (в заповедниках Микуми и Серенгети) могли сверху снимать и видеть дикую жизнь. На вездеходе мы спускались в знаменитый кишащий животными кратер Нгоронгоро; были на озере, где кормится миллионная стая фламинго; провели ночь в свайном домике и видели, как слоны, буйволы, антилопы и дикие кабаны, припадая на колени, лизали солонцовую землю. Мы видели, как охотилась львица и как она не могла съесть добычу, потому что ее окружили двадцать машин с туристами. В заповеднике Маньяра ночью наша одинокая машина в свою очередь оказалась в окружении зверей. В течение двадцати минут, притихнув, как мыши, мы ожидали: нападут или не нападут? Но окружившие нас слоны оказались благоразумными, и путешествие продолжалось.

Госпиталь в Кении. Советский врач беседует с медицинскими сестрами.

В Африке сегодня много сделано для охраны животных. Но до сих пор сюда приезжают и люди с оружием. Мы ходили на охоту с профессиональным белым охотником и черным следопытом, носившим запасное ружье для охотника.

Из человеческих встреч интересным было знакомство с профессором Гржимеком, автором хорошо известных у нас книжек об Африке. Мы его встретили в момент киносъемки и, познакомившись, вместе провели день.

В другой день мы гостили у Патрика Хемингуэя, сына писателя. Он живет в тех же местах, где когда-то с отцом охотился. Он много спрашивал и не скупился сам на рассказы.

В столице Кении Найроби мы говорили с ответственными людьми о туризме и об охране природы, побывали в госпитале, построенном для кенийцев Советским Союзом. И, наконец, интересным было знакомство с жизнью знаменитого в Африке племени масаи... Так прошли сорок дней.

Я говорю «мы» и не представил моего спутника. Это корреспондент «Правды» Михаил Домогацких. Мы с ним родились в соседних селах под Воронежем, начинали работать в одной газете. Надо ли говорить, что значит встретить земляка в Африке! Без Миши путешествие не могло состояться. В шуточных разговорах я звал его: «Кормилец, поилец, водилец, переводилец». Водить машину и переводить было для Миши добавочной нагрузкой в этой нелегкой поездке.

Вот все, что можно сказать сегодня, когда проявлена и разобрана фотопленка. Теперь задача: об увиденном рассказать.

Фото В. Пескова и из архива автора. 20 апреля 1969 г.

Где зимовал аист?

Окно в природу

Аист вернулся домой. Важная сейчас пора – починка гнезда, ревизия отмелей и болот, брачные игры в воздухе. Кроме щелканья клювом, аист не издает никаких звуков. Другие птицы заливаются песней. Но даже самая лучшая песня – это только весенняя радость. Песня не может сказать, где были птицы, что видели, как провели зиму.

Где зимовал аист?.. В середине февраля мы ехали на машине по внешнему склону кратера Нгоронгоро. Знаменитый кратер находится в Африке, южнее экватора.

Путешествуя, быстро ко всему привыкаешь. К зебрам мы относились так же, как к лошадям на Русской равнине. Но тут, на склоне горы, мы остановились и долго не могли тронуться в путь. Среди пасущихся зебр мы увидели аистов.

В первую минуту я даже не мог снимать. Мы стояли и глядели. Между зебрами неторопливо ходили хорошо знакомые птицы, наши аисты. Я живо представил себе большое, занесенное снегом гнездо где-нибудь в белорусской деревне. Весной пару аистов потянет на север. Непостижимым путем птицы найдут на земле Белоруссию, найдут белорусскую деревеньку, найдут старое родовое гнездо. В день, когда появятся птицы, люди выйдут из дома и будут радостно говорить: «Прилетели, вернулись!» А пока птицы ходили по африканскому лугу. Наверное, зебры были для них такими же лошадьми, как в Белоруссии, только в полоску да ростом чуть-чуть поменьше. Зебры вполне дружелюбно подпускали аистов почти под ноги. Я подумал: для зебры и для масаев, проходивших в это время по лугу с копьями, аисты были, наверное, «своими», африканскими птицами, странными, правда, птицами, исчезавшими на полгода неизвестно куда.

Летят на зимовку...

Аистов мы встречали потом множество раз в самом экзотическом обществе: среди голенастых фламинго, среди похожих на сгорбленных старичков черных аистов, видели птиц возле лежащих свирепых буйволов и среди стада слонов. И всегда было чувство, будто видишь старого друга.

Однажды мы видели: аиста ударила и понесла над африканскими зарослями большая хищная птица. Другой раз аист ухитрился попасть под машину. Шофер-европеец был так огорчен, как будто сбил человека: «Куда-то он не вернется...»

В танзанийском местечке Мвека нам показали «русские кольца», снятые с пойманных аистов. Кольца были самодельные. В низовьях Волги птиц кольцевали, видимо, школьники – на алюминиевом ободке было нацарапано слово «Астрахань».

Европейская родина для аистов с каждым годом становится все менее гостеприимной. Осушаются болота, исчезают лягушки – любимая пища птиц. Аисты гибнут или перестают размножаться. Любопытные цифры. В 1939 году в Голландии жило триста двенадцать пар аистов. В 1955 году их осталось только полсотни. В Швейцарии в 1900 году насчитали сто пятьдесят пар. Сейчас в Швейцарии не живет ни одна птица.

Очень мало осталось аистов на земле Франции. В городке Альсака в ресторане висит табличка: «Лягушачьи ножки просим вас не заказывать. Оставим лягушек для аистов».

У нас птицы живут в Белоруссии, на Украине, в Прибалтике. Лягушиный голод пока им, кажется, не грозит. И в любой деревне, у любого дома птица найдет покровителей.

Из «наших», кроме аистов, в Африке мы много раз видели иволгу, ласточек, удода и золотистых щурок. Ласточки в Африке, так же как дома, любят телеграфные провода и сухие деревья. Щурки гонялись за пчелами. Нарядных иволгу и удода непросто было узнать среди пестрого африканского мира.

В Африке наши птицы гнезда не строят и не поют песен. Песни они берегут для своей родины. Почти все, кто на зиму улетап, вернулись теперь домой. Слушайте песни по случаю возвращения. Сейчас самое время.

Фото автора. 1 мая 1969 г.

Мещерский дневник

Окно в природу

Я сижу в шалаше, вернее, под еловым настилом в замшелой, боровой яме. В щелку с ресничками из еловой хвои видно большое гнездо. Вековая сосна первые годы жизни по какой-то причине пошла вверх тремя мутовками. Сейчас три налитых медью сука разносят ствол в разные стороны. Лучшей седловины для большого гнезда не придумаешь. И аисты с высоты разглядели сосну.

Растет сосна в мещерских лесах. От шалаша до любого жилья верст пятнадцать, а то и двадцать. И не во всякую сторону можно идти, куда ни сунься – озера, болота и колдобины темной воды. Именно по причине малой доступности и обилия подходящего корма (выюны и лягушки) черные аисты поселяются на Мещере. Не в пример белой родне, живущей над крышами у людей, черные аисты до крайности осторожны. На земле их осталось очень немного. Тут, на Мещере, держится всего несколько пар.

Очень хочется сделать снимки. «Берлогу» мы построили с лесником неделю назад, когда разыскали гнездо и спугнули двух долго круживших над лесом птиц. Аисты замечают малейшие перемены возле гнезда, но мы надеялись на хорошую маскировку.

Сейчас в ожидании птиц есть время перелистать помятую книжку, дневник, который я месяц вел на Мещере.

* * *

Последние дни апреля. Половодье пошло на убыль, но гуси продолжают лететь. Из Брыкина бора на кордон Старое мы плыли час и видели восемь косяков птиц. Русло реки совпадает с полетом гусей. Возможно, тут, на Мещере, река и служит компасом перелета. Название у реки древнее: Пра. Кажется, и вода в ней тоже древняя. Она настоена на торфах, имеет цвет чая даже в пригоршне. Берега сплошь в бахроме подмытых корней и почти всюду изрыты бобрами.

Кордон Старое – это два бревенчатых дома и два сарая, крытых щепой, три улья, колодец с журавцом, кормушки для оленей, тяжелая деревянная лодка. Кругом лес и вода. Снег сошел. Только в колодце синее лед. Вода, поднятая ведерком, ломит зубы, свежий дубовый сруб сообщает «чайной воде» запахи коньяка.

Домик, в котором я поселяюсь, называется «стационар». Летом в нем живут практиканты-биологи. В последний раз наукой тут занимался удачливый рыболов – на нитке в сенцах белеют зубастые челюсти щук. Пахнет холодной печкой, мхом, старым деревом и каким-то снадобьем из склянок, стоящих на полке. В избе есть все, что надо: стол, кровать, печка. Мне жить тут месяц. Восемь часов в день я должен сидеть за столом, но в ранний час утром и допоздна вечером буду уходить в лес...

Первый день. Сидеть в избе никак невозможно. Летят гуси. В окошко я слышу гусиный крик. Это последние стаи.

На полянках за домом расцвела сон-трава. Покрытые волосками фиолетовые цветы при низком солнце начинают светиться. На ночь цветы опускают головки. Не потому ли название: сон-трава?

* * *

В лесу я обнаружил странное сооружение из сосновых колышков, похожее на печурку. Под у печурки посыпан чистым речным песком. По следам было видно: тут побывал глухарь. Он порылся в песке у краешка, а в нутро заглянуть испугался. А если б зашел, то не вышел. Сработает тоненький сторожок, упадут две оглобли с намотанной на них парусиной. Глухарю наденут номерное кольцо на лапу и выпустят.

Особенно хорошо ловятся глухари осенью. Зимняя пища груба, перемолоть в желудке хвою можно, только употребив жернова. Глухари глотают мелкие камешки. Их-то им и кладут для приманки. Сейчас глухари едят нежную мякоть цветов сон-травы, но все равно интересуются «жерновами». На соседнем кордоне Кормилицыно живет специалист-глухарятник Юрий Николаевич Киселев. Звоню: «Сходим послушаем?..» – «Надо спешить – тока затают...»

Часа в два ночи ощупью пробираемся к токовищу. Луна угольком светится в черных ветках. Легкий туман. Подушки мхов налиты водою, валежник мокрый и скользкий. Безбожно чавкая под ногами, болота все-таки нас пропускают. Прислоняем ладони к ушам... Негусто. Но два глухаря все еще жаждут любви. Теперь надо идти под песню: три-четыре стремительных шага – и замереть. На одной ноге оказался, вода заливает сапог – ни звука! Надо дожидаться, когда глухарь кончит «ронять на мраморный стол костяные шары» и шепеляво начнет считать: «Шестьсот шестьдесят шесть...» Тут надо делать очередные три шага...

Сердце готово выпрыгнуть из-под куртки, по лицу текут струйки пота, но вот она, лесная награда – глухарь сидит прямо над головой. Отчетливо слышны оттенки древнейшей на земле песни. Когда начинается бормотанье, можно перекинуться словом, стать поудобнее, можно выстрелить – глухарь не услышит. Я держу наготове свой объектив. Увы, птица сидит в переплетении веток. Мы видим только распушенный веером хвост. Выстрел был бы тут верным, а снять невозможно, да и света немного – только-только зарумянилась на берегах кора...

Хрустнул сучок в неподходящее время, и черная птица, как будто ею стрельнули из пушки, сорвалась и утихла в мглистой лощине. Это был последний певец на току. На осинах появились сережки. По лесной фенологии – это и есть время, когда смолкают глухаринные свадьбы.

* * *

Кроме людей, на кордоне множество одушевленных существ. За безграничную власть над курами под окном у меня бесконечно дерутся два ослепительно белых петуха. Куры по-весеннему бодро кудахчут. Яиц на нашем столе, однако, негусто. Зато дня через три будем пить молоко. Пегая коровенка сделалась матерью. Лесник, предвидя событие, настелил в сарае свежей соломы. Но Роза пренебрегла «роддомом», она исчезла на пару дней и вчера явилась из лесу с теленочком. Симпатичное существо усвоило первобытный способ питания. Теперь не просто приучить теленка к ведру.

Охотиться за птичьими голосами в заповедник приехал Борис Вепринцев. Сегодня пластинки с его записями известны во всем мире.

Девять овец в нашем хозяйстве держатся удивительно слаженным коллективом – куда одна, туда все. Третьего дня черная овца из поколения молодых отбилась и сейчас же была наказана. Она ухитрилась застрять в загородке и так измочалила ногу, что легла замертво. Лесник побежал за ножом, но потом, без большой, впрочем, надежды, решил овцу полечить. Лесник срубил липку и сделал лубок. Лубок – кора дерева. Медики говорят теперь: «наложить шину», а на Руси «клали в лубок». Ногу овце поверх лубка мы спеленали бинтом. Вид у овцы несчастный, но никто во дворе, кроме собаки, этого не заметил. Кобелю же овца с пухлой белой ногой явно не нравится. Охранник дома, впрочем, рад любой причине позлиться. До житья на кордоне кобель стерег деревенское стадо и, по словам лесника, «рвал коровам хвосты». Меня коричневый пес готов был съесть. От ярости с клыков падала пена. Глядя ему в глаза, я сказал ровным голосом раз пятьдесят: «Дружок, Дружок...» Пес сконфузился, заморгал и сделал вид, что очень интересуется мухой. Кружок городской колбасы убедил Дружка, что не всегда выгодно «рвать хвосты».

Два кота в доме – две разные натуры. Один ласков, трется о ноги и под столом жалобно просит подачки. Другой грязно-бурой масти – явный разбойник. Нелюдимый, он наблюдает двор с верхушки колодезного журавца или с высокой сосны. Я сразу подумал, что он промышляет в лесу охотой. И действительно, встретил его в километре от дома с трясогузкой в зубах. Маленький тигр бросился в лес как ужаленный и вот уже несколько дней не является в дом.

Самое крупное и самое кроткое существо во дворе – вороной мерин Васька. Но мерин измучил хозяина постоянным желанием убежать. Васька родился на Чарусе, в лес-

ном местечке за пятнадцать километров от Старого, и, видимо, помнит тамошнее лошадиное общество. Как только пустили Ваську на траву – он сразу в Чарус. После двух приводов мерина стали треножить. Но Васька уходил и стреноженным. С полдороги его возвращали. Васька понял уязвимость дорожного путешествия и стал уходить напрямик лесом. Можно только гадать, какое чутье правит лошадью. Человек в болотистый лес без дороги не рискнул бы пойти...

Вечером где-то вблизи кордона кричал журавль. Я стоял на пороге и слушал. Перестала жевать корова, овцы подняли от земли головы. Дружок, обычно лаявший на любой звук, тоже молчал. В полной тишине кричал одинокий журавль. Забыть невозможно, если хоть раз в жизни услышал, как кричат журавли.

* * *

В синеватом березняке падали капли дождя. Но небо было ослепительно синим. Дождем из сломанных веток лился березовый сок. Таинственные насосы гнали по стволам кверху сладкую влагу, и все в лесу знали: идет березовый сок.

Я наблюдал, как бражничал дятел. Он пробуравил березку вблизи от соснового «барабана». Напился, взлетел, пустил по лесу пять-шесть пулеметных очередей – и опять на березу.

Наша хромая овца тоже обнаружила вкус к сладкому. На берегу старицы бобры зимою срубили четыре березки. Деревьев нет, но какая-то сила по-прежнему гонит сок. Пенечки стоят, как оплывшие свечи, – сок застывает на них беловатым прозрачным студнем. Около березовых пней и поправляет здоровье овца.

Я тоже не удержался, привязал на ночь жестянку к белому деревцу.

* * *

Позвонили с кордона Полунино: «Только что волк зарезал ягненка...» Кордон от нас в шести километрах, вечером я пришел на Полунино. Лесник Владимир Филяков показал место, где волк выскочил из подлеска. «Я делал рамки для пчел, гляжу – суматоха... Корова бежит, громыхает звонком, я заорал – хоть бы что! Скрылся с ягненком, и все».

Вечером вспоминали деяния волка. Оказалось: одна из наших овец имеет сзади волчью отметку. Всего с прошлого года разбойник прикончил: три овцы на Полунино, двенадцать овец на Бедной горе, восемь на Липовой и семь на Старом. Кроме того, на Старом у нас волку на зубы попали телушка и двадцать семь оленей. Итого: олени, телушка и тридцать овец.

В заповеднике, когда волк объявился, ученый совет решил: не трогать – «нужна щука, чтобы карась не дремал». Но щука оказалась слишком зубастой. Двадцать семь оленей – это треть заповедного стада. Изнеженные заботами человека, олени стали для волка легкой добычей. «Регулирующая сила» оказалась разрушительной силой. Сейчас волка хотят, кажется, подстеречь. Но попробуй поймать щуку в этом зеленом болотистом море.

* * *

Вчера под окном на солнышке я оставил хозяйский ватный пиджак. Пиджак старый, вата лезет на свет из множества дырок. Кто-то в лесу рассказал об этом чудесном складе мягкого материала. Столпотворенье! Щеглы, синицы, какие-то краснозобые птицы, огромный сорокопут. Особенно много щеглов. Работа идет под песню. Лес звенит множеством голосов. Особенно много в здешних местах кукушек. Утром я вижу кукушку в воровском низ-

ком полете над берегом. Ищет чужое гнездо. В этих местах жертвами странной птицы чаще всего становятся трясогузки. Я пристально наблюдаю, но увидеть: «кукушка кладет яйцо», вряд ли кому удавалось. Зато я несколько раз вижу сцену: какая-то птица-малютка гонится за кукушкой, бьет на ходу, налетает, когда кукушка садится на ветку. Соблазнительно предположить: гонит от своего гнезда. Но точно так же гонятся птицы за ястребом, филином, за вороной, а кукушка очень похожа на ястреба...

У скворцов гнезда уже готовы. Несколько дней назад я видел, как, пролетая, скворчиха уронила во двор яйцо – не донесла! Потерю заметила курица и жадно склевала вместе со скорлупой...

За один теплый день лес наполнился пахучим зеленым дымом – лопнули у берез почки. Я подтянул книзу ветку и разглядел зелень. Листки были с ноготок новорожденного человека.

* * *

В сосновом бору-беломошнике встретил целый городок муравейников. Семнадцать поселений было в великом царстве, и, конечно, была тут столица. Меж трех березок стоял патриарх-муравейник. Правильной формы гора имела предгорье из белых песков и темный остроконечный конус из иголок и палочек. Шестнадцать других муравейников были выселками столицы. По иголкам и по сухим березовым листьям ползли миллионы жителей государства. Я закрыл глаза – шорох по сухим листьям напоминал мелкий дождь. Нельзя было понять: воюют или спешат в гости друг к другу?

Над коричневой теплой горой я опустил прутик. Сейчас же на солнце засверкали фонтанчики муравьиной защиты. Я облизал прутик, он был кислым-кислым.

Звездное небо и муравейник чем-то похожи. Много раз видел, но опять стоишь, врасплох застигнутый великой загадкой...

* * *

Я разложил карту и прочел названия здешних мест. Они таинственны, как черная вода в бочагах: Чарус, Ерус, Кочемары, Колтуки, Курша, Ламша. Это кордоны и деревеньки. А вот озера: Кальное, Вешурки, Песмерки, Мымрус. Болота в этих местах никто не считал – топографы метят карту сплошной сеткой тоненьких черточек. Это значит: места топкие, низменные. Знаменитая Мещера. Местные люди в этом слове ударение делают в самом конце, так же как в слове «густера», обозначающем мелких подлещиков.

Мещера была, наверно, последним убежищем от татар. На краю Мещеры над Окою стоят зеленые земляные валы старой Рязани. В самом заповеднике тоже есть остатки земляной крепости. И немудрено, если на дне черной воды лежат где-нибудь остроконечные татарские шлемы.

Лесник на Старом родом из села Кочемары, жена его тоже из Кочемар. Впрочем, почти все лесники в заповеднике и все их жены – родом из Кочемар.

Зовут лесника Царев Николай Иванович. Он немного хромает и в Кочемарах имел «сидячие должности» – возил на лошади почту, портняжничал, плел корзины и был пчеловодом. Три последних года он живет на кордоне и дослужился до «чина лесного техника». Мотоцикл облегчает ему лесные обходы, жена попалась хозяйственная, лес он любит и бережет. Одним словом, человек нашел свое место.

Из Кочемар на кордоне изредка появляются гости. На прошлой неделе была сестра лесника Мария Ивановна, привезла холодец и большой круг деревенского сыру. Два вечера мы сидели у лампы и я слушал рассказы о Кочемарах. О «Ракете», которая ходит теперь по

Оке, о недавнем пожаре – «в один час сгорело сорок домов», о попе, который завел с мотором велосипед, но вынужден пересест на лошадку – «старухам не понравился механизм». Лесник хороший рассказчик. Вчера он сказал, вспоминая кого-то из кочемарских: «Рябой, как шилом брился...»

Вечером мы с лесником плаваем проверять сети. Попадаются щуки, лини, караси. Попался недавно огромный лещ, такой огромный, что высохший пузырь висит на стенке, как детский воздушный шарик, а тело леща для ухи рубили топором на пенечке. Чаще всего попадается в сети карась. Вода потеплела, у карасей начался нерест. В болотных сапогах я брожу иногда по затопленным ивнякам. Караси кидаются из-под ног, с несвойственной карасям резвостью прыгают из воды. Кажется, из кустов в воду кто-то швыряет слитки красной горячей меди.

Рыбу лесникам в заповеднике ловить разрешается при условии, что каждая особь будет измерена, взвешена и для науки у нее должны быть взяты чешуйки. Операция не такая уж сложная, и мы с лесником по мере сил не даем науке остановиться на месте. Уху мы варим у речки в помятом полевом казанке.

* * *

У поворота реки с названием Паром я обнаружил двух странных бобров. Они видели, я стою, и не прятались. Бобры поочередно, как бабы вальком, колотили хвостами, но продолжали плавать.

Деревья у воды были срублены. Последней жертвою бобров стал необхватный дуб. Я представил себе, сколько хлопот грызунам доставила как железо твердая древесина. И стало жалко бобров. Я принес из леса пучок молодых осиновых веток и с мыслью «это будет как пряник» кинул в прудок. Наутро от веток осталась белая арматура. Я ликовав: буду носить бобрам «пряник» и приучу их к себе.

Представляю, как бы смеялись бобры, будь у них средство узнать мои планы. В тот же вечер, обходя пруд, я увидел бобровый путь из пруда. Дорожка соединяла пруд с местной вселенной. А вселенная состояла сплошь из воды. В любой стороне были «пряники»: осинки, березы, липы, рябины – все стояло в воде и было доступным.

Но в сухое время бобры по реке сидят на «дубовых хлебах». Осины в здешних местах немного, береза в пойме погибла. Как людям в голодный год желуди были спасеньем, так и бобров спасают теперь дубняки.

* * *

Дрозды ужасно глупы. По суете, по громкому цоканью сразу знаешь – гнездо. И действительно, не сходя с места, нахожу аккуратную черепушку с пятью голубыми в крапинку яйцами. Вечером наклоняюсь к гнезду – пустое. Но тут же по крику нахожу еще две дроздиные черепушки. А через день та же история – гнезда пустые: значит, не только мне дроздиха указала свою квартиру. Кто же разбойничал? Ни скорлупы, ни следов. Возможно, кот – он постоянно бегаёт по дорожке. А может, сороки, они тоже шныряют по нижним сучьям. А может, куница?

Маленькие драмы происходят в лесу ежечасно. На прошлой неделе я видел, как сокол-сапсан ударил в воздухе цаплю. Посыпались перья, небольшая по сравнению с цаплей птица, не выпуская жертву, снизилась в лес. Утром я нашел цаплю. Возле толстой ольхи лежали крылья, голова и тощие ноги. Остальное досталось охотнику...

В Брыкин бор ехал сегодня Киселев-глухарятник. Он показал мне кольцо с номером Ж-13766. Кучу перьев и это кольцо оставил от глухарки ястреб-тетеревятник.

* * *

Ездили с лесником париться в Брыкин бор. Все было хорошо – двадцать пять километров пути по воде, березовый дух в бревенчатой баньке и чай в доме у Света.

Мой старый друг руководил в заповеднике научной работой, и звать его полагается Святослав Георгиевич Приклонский. Но мы все по-старому: Свет...

У Света мы засиделись, ждали сообщений о полете к Луне, а когда вышли, на реке была ночь. Шел мелкий и теплый дождь. Мотор забулькал, и мы тронулись в темноту.

Жутковатое плавание. Надо было угадывать повороты реки, помнить, где наклонились подмытые половодьем дубы и где от русла уходят тупиковые старицы. Я лежал на носу лодки с фонариком. Темнота съедала жиденький свет на полпути к берегу. Но если мы шли близко к обрыву, из темноты вдруг вырывалось дерево в белых кудряшках. Ослепительно белое! Я выключал фонарь, и дерево исчезало. Включал – и опять в полосках дождя мерцало окруженное темнотой дерево. Цвела черемуха. Раза три лодка почти натыкалась на берег, мотор выпускал дух, и тогда было слышно: шуршит по воде теплый дождь и с ума сходят в темноте соловьи. Где-то не ближе Спас-Клепиков гроыхала гроза. Казалось, по небу плыли в такой же, как наша, гулкой алюминиевой лодке.

Мы вымокли, но почему-то в избу не хотелось спешить. Я прислонился спиной к шершавому дубу и слышал, как в темноте стукнула дверь, залаял Дружок и зашлепали по воде весла. Жена лесника плыла нас встречать. На кордоне издали слышно мотор. Если звук не проплыл мимо, а сразу стих, надо встречать – от реки кордон отделяет широкая старица.

– Где вас носило... – несердито сказал в темноте женский голос.

– А мы загуляли, – в тон жене ответил лесник.

Я надел сухую рубашку и сел на пороге избенки. Небо очистилось, вода капала только с деревьев. Низко над соснами стоял красноватый Марс. В лесу, как в бане, сильно пахло березовым веником.

* * *

В прошлом году на кордоне жила «комариная экспедиция». Лучшего места для проверки комариной отравы и быть не может. «Комары появляются разом в день. И тогда хоть ревом реви», – сказал лесник. Я ждал судного дня, и он наступил. В теплый вечер комаров как будто просеяли с неба. Тучи! И каждый из них жаждал моей крови. Три километра на кордон с Волчьей вырубki я шел через звенящую комариную стену. Я отбивался березовой веткой и хорошо понял, для чего у лошади хвост.

Но комары кое-кому принесли радость. На лужке под окном охотилась стая скворцов. Птицы прыгали вверх, не взлетая. Издали комаров не было видно, и казалось, скворцы, слегка захмелев от тепла, забавно танцуют. Куры охотились на комаров возле коровы. Наша кормилица Роза позволяла курам клевать «комариные семечки» даже в ушах и с носа. Осмелев, куры стали взлетать на корову. Петух по привычке разгребал лапами шерсть на спине у притихшей Розы и кукарекал.

Я намазался диметилфталатом и пошел к речке. За комарами охотились рыбы. Вечерняя вода была покрыта живыми кругами. Остановившись под дубом, я стал снимать трясогузку. Она сидела на коряге, торчавшей из омута, и ловила комаров прыжками на одном месте. Неожиданно трясогузка вспорхнула, и я застыл... Охота за комарами началась возле моей головы. Трясогузка почти касалась крыльями носа, щек и ушей. Диметилфталат не давал комарам приземлиться, и я смог стоять неподвижно. Трясогузка, наверно, считала: «Так и должно себя вести существо, которого я, птица, спасаю от комаров». Насытившись,

трясогузка села на свою белевшую от помета корягу и задремала на одной ножке, превратившись в серый пушистый шарик.

Через какие-то щели комары на ночь пролезли в мою избушку. Пришлось в старом ведре развести дымный костер. Как поп кадилом, я помахал ведерком в «горнице» и в сенях. Комары улетели. А в деревянной избушке остался приятный запах улья.

* * *

Приехал Свет, и мы пошли искать олени рога. На Волчью вырубку олени в апреле приходят погреться. Как раз в это время они теряют рога. Мы отыскиали два рога. Один прошлогодний, мышами тронутый рог, другой свежий, как из металла отлитый, с пятью большими отростками. Неожиданно Свет схватил меня за руку и показал глазами под сосну. В семи шагах сидела на яйцах глухарка. Птица считала, что мы ее не заметили. Она и правда была почти незаметной. Серовато-ржавые перья сливались с корою и опавшими иглами. Только сверкавший темным стеклышком глаз выдавал птицу. Без лишних резких движений мы делали снимки, доставали из мешка объективы, меняли пленку. Минут десять надежда – «я не замечена» – не покидала глухарку. Мы приготовились тихо уйти, как вдруг большая птица, чуть пробежав, полетела. В гнезде лежало шесть коричнево-желтых яиц.

Дня через два мы навестили гнездо. Глухарки не было. Яйца были холодными. Еще через день – то же самое... В очередной приход я увидел: яйца тоже исчезли. Кто-то нашел гнездо. Лиса? На коленях я осмотрел землю. Ни следа, ни волоска.

«Дело о глухарке» можно было закрыть. Но, обходя по кругу пространство возле гнезда, я вдруг увидел свежую рытвину. Инструмент, которым выгребали песок, был явно не лисий. Я перевел взгляд в сторону и увидел «вещественное доказательство». Хорошо зная, как выглядит медвежий помет, сосновой палочкой я все же провел исследование. Медведь тут бродил и оставил переваренный муравейник.

Лесные шорохи сразу приобрели для меня новый смысл. Медведь ходил дня два назад. Скорее всего, именно он проглотил глухаринные яйца. Но я уже забыл о гнезде. Медведь! Вот оно, решение споров: есть медведь в заповеднике или нет? Есть медведь! И это южнее Москвы, в рязанских лесах. Я сделал снимки «сокровища» и толику бывшего муравейника положил в целлофановый мешок. Букетик ландышей придал прозаической ноше вполне лирический облик. Посвистывая, я пришел на кордон и сразу позвонил в заповедник. Зоолог, приплывший на лодке, сказал: «Да, сожрал муравейник!...»

* * *

Но мое доказательство опоздало. Дня четыре назад служащий заповедника Василий Васильевич Червонный видел медведя. Он столкнулся с ним на болотах почти вплотную.

* * *

Начинаю понемногу скучать по Москве. Вчера с попутной лодкой отослал «берестяные письма». Думаю, друзьям приятно получить в конверте лоскуток бересты с приветом и просьбой подослать бубликов. Древней бумаги в здешнем лесу много. Березняк в пойме погиб от летнего наводнения. Вершины деревьев давно упали, и только стволы стоят, как голые кости. Береста на них отстает и трепещет на ветру белыми лоскутками...

По ночам звенит камышовка-сверчок. А днем без умолку считают время кукушки. И появился главный лесной певец – иволга. Удивительна песня у золотой птицы. Начало – нежная флейта, а конец – грубый кошачий крик.

Для меня прилет иволги и цветение рябин означает конец весны.

* * *

Девять часов я просидел в шалаше, ожидая: вот-вот прилетят. Аисты не прилетели к гнезду. Под вечер я вылез из ямы, попрыгал, чтобы размять затекшие ноги, и полез на сосну. Ни яиц, ни птенцов в гнезде не было. Два черных аиста почему-то не завели семью и, видимо, только держались вблизи родового гнезда.

* * *

Собираюсь в Москву. Лесник ходил вчера поглядеть травы в лугах и сегодня взялся отбивать косу. Наша овца за месяц вполне поправилась и только слегка хромот, а мерин Васька все-таки убежал в Чарус. Лесник махнул рукой: пусть ходит до осени. Весь месяц, опуская ведро в колодец, я видел на срубе синевший лед. Вчера вынули воду с последней оплывшей ледяшкой.

Лето. Щеглы и ярко-красная чечевица глушат у меня под окном пушистые семена одуванчиков. Уносим в лодку мои пожитки, а из дупел, скворешен и из всех невидимых гнезд – сплошной гул жадных молодых голосов. Новая жизнь вот-вот выпорхнет из гнезда...

Из Мещеры добираться непросто. Лодкой до Брыкина бора. Потом автомобилем в деревню Лакаш. Отсюда ничем, кроме как самолетом. А из Рязани – поезд. Часов десять пути. Как раз столько я добирался из Петропавловска-на-Камчатке. А всего-то по прямой из Мещеры в Москву километров двести, не более.

Фото автора. 8, 14 июня 1969 г.

Дар-эс-Салам, начало пути

40 дней в Африке

23 февраля на ободранном носорогами и колючками вездеходе мы спускались в кратер Нгоронгоро. Эту природную чашу после прочитанных книг я много раз видел во сне. Теперь я высунул голову в люк над сиденьем и не спускал глаз с дороги.

– А вы откуда приехали? – спросил шофер-африканец.

– Из России, – сказали мы с гордостью.

– Россия... Это где? Это там, где Италия? – Машина остановилась, потому что шофер первый раз видел русских и силился что-то вспомнить. – Да, да, Россия... Там казаки? Они такие же полные, как этот джентльмен (кивок в мою сторону), и хорошо на лошадях ездят?..

Мы слегка огорчились. Это ведь был шофер, а не какой-нибудь лесной житель Танзании, промышляющий зверя. Но я успокоился, вспомнив, как собирался в Африку. Завхоз редакции приготовил мне полмешка пленки:

– Как оформлять будем?

– Да напиши просто: командировка в Танзанию.

– Зверей будешь снимать? Интересно... – Вдохнул завхоз и хорошим почерком написал в документе: «Пленка выдана для поездки в Тарзанию».

– Всего одна буква-то разницы, подумаешь, – вместе со всеми смеялся завхоз. Потом он отвел меня в сторону. – Танзания, говоришь, а это где?..

Багамойо. Место, где продавали рабов.

По карте легко проследить полет до Танзании: Москва – Каир – йеменский аэродром Ходейда на берегу Красного моря – порт Аден – столица Сомали Могадишо – и наконец Дар-эс-Салам.

В Ходейде мы убедились: и в феврале солнце над землею не остывает. Мы сели утром. Но песок и военные самолеты, окрашенные под цвет пустыни, были накалены. Наш самолет, промерзший в небе, на горячем бетоне покрылся каплями влаги. Вода стекала по крыльям и жидкими ручейками лилась на бетон. Худая аэродромная собака, озираясь, быстро лакала

из маленькой лужицы. Принимавший почту старый араб подставил ручейку сухую ладонь и, сняв узорную шапочку, помочил лоб... Кругом была сухая желтая Африка.

Часов пять кряду под крыльями плыл монотонный пейзаж. Синяя рябь океана. Белая полоса пены у берега. Земля сквозь толщу синего воздуха казалась бледно-сиреневой.

Зеленую Африку мы увидели с самолета в конце пути. Пальмы у океана. И далее вглубь вся земля была в сочных кудряшках. Меж двух океанов – синего и зеленого – выбрал место для жизни белый город Дар-эс-Салам.

По-русски Дар-эс-Салам – Гавань Мира. Город недавно отметил столетие. Интересных для туристов морщин и сединок у танзанийской столицы нет. Белые арабского и европейского стиля дома, мечети, церкви, конторы и банки. Огромная пристань. Среди множества флагов над кораблями я ревниво искал и нашел-таки красный флаг. В бинокль можно было прочесть название корабля: «Академик Павлов».

Дар-эс-Салам – большие ворота в мир с восточного побережья Африки. Как во всех портах, тут перемешаны тысячи запахов и тысячи звуков: разноязыкая речь, скрежет лебедок, гудки и голоса чаек. Краны и потные докеры кладут в утробы кораблей тюки золотистого сизаля, мешки с кофе, ящики с чаем, стальные боксы с алмазами, табак, шкуры животных. На берег идут: бензин, автомобили, пестрые ткани, машины, спички, приемники и консервы, словом, все, что делают в мире города с дымящими трубами.

В Дар-эс-Саламе я не увидел фабричных труб. Это торговый город. Магазинов и лавочек тут, кажется, больше, чем покупателей. Большую торговлю ведут главным образом белые: англичане и немцы. В маленьких лавках – сплошь индусы. Терпеливо, до поздней ночи не гасит свет индус в своей лавке. И, видимо, не напрасно. Дар-эс-саламский индус всегда хорошо одет, имеет автомобиль, хороший дом на краю города. Африканец торгует на улице. Его товар – резные фигурки из дерева, щиты, барабаны, копья...

Работа, как и торговля, пока что тоже поделена по старому принципу: работа белая – белому, работа черная – черному. Часа два я постоял на городской стройке. Инженер-англичанин сидел в конторке. Индус, в забрызганной мелом чалме, руководил на лесах, другой индус вел кладку. Молодые высокие африканцы носили известь и камень. Ни одного крана в городе я не видел. Блоки с веревками, деревянные подпорки и клинья... Однако конечный результат стройки везде поражает изяществом и добротностью. Строек много. И потому Дар-эс-Салам выглядит молодым. С крыши новой восьмиэтажной гостиницы «Килиманджаро» хорошо виден белый, горячий, пахнущий океаном город.

В Дар-эс-Саламе двести пятьдесят тысяч жителей. С одним из них в первый же день я познакомился на окраинной улочке. Старый рыбак вез на велосипеде акулу. Огромная рыба лежала на багажнике сзади – голова и хвост почти касались земли. Конечно, я пустил в дело весь арсенал фотографической техники. Наверно, я очень уж суетился, и рыбак решил, что я на нем хорошо заработаю. Он прислонил к пальме велосипед с необычной поклажей и подошел получить свою долю с дохода.

– Джамбо, бвана... – сказал старик для начала.

Так я узнал два первых африканских слова: «джамбо» – здравствуйте и «бвана» – господин.

Страничка истории...

Лежащий к северу от столицы Танзании городок называется Багамойо. По-русски – это Прощание с Надеждой.

Через два часа езды по прибрежным пальмовым рощам мы увидели закопченный, поросший травой форт, древнюю мощеную площадь и нынешний городок, по которому бегали куры. Из крайней хижины выбежал человек босой, в красной полинявшей рубашке, молодой и покоряюще простодушный. Он назвался Джозефом Агнесом, сказал, что промышляет столярным делом и что вторая его специальность «показывать Багамойо». За час с

небольшим мы обошли место, теперь забытое, но много веков известное во всем мире торговлей рабами. Джозеф знал о своем городке не все, но главное знал.

– Джентльмены, их приводили оттуда, из глубины Африки. Их вели много дней. И тех, кто по дороге не умер, тут, в Багамойо, меняли на бусы, на ружья, посуду, цветные платки, на бруски меди. Тут их клеймили. Вот тут, где стоим, раскаляли железо и ставили метку. А потом их вели на корабль. Корабли стояли вот там, против пальмы, где играют мальчишки...

Сохранился живой свидетель торговли людьми. Чуть-чуть выше крепости, построенной португальцами, стоит баобаб, к стволу которого цепью приковывали рабов. Баобабу сейчас лет триста, и на нем сохранился обрывок ржавой цепи. Огромный ствол баобаба почти полностью оплыл, поглотил цепь. Осталось всего два звена, они висят чуть повыше корней.

Времена более поздние помнит еще одно дерево Багамойо. Оно растет почти у самой воды. Живописное дерево. Под его кроной, похожей на шар, от солнца могли бы спрятаться человек сто.

– Отец мой, джентльмены, помнит: на этих сучьях висели люди. Сорок повешенных. Они восстали. Генерал-немец велел их повесить...

Это было другое, столь же черное для Африки время. Кончилась работорговля, началась колонизация. Это было не так уж давно. В 1891 году Англия и Германия поделили Восточную Африку. Германия взяла Танганьiku, Занзибар. Кения и Уганда достались Англии. Любопытно: колонизация Африки велась под флагом искоренения работорговли...

– Танганьика сопротивлялась, джентльмены. Но что можно сделать стрелой или даже ружьем, которое заряжалось осколками от бутылок и рубленой проволокой, против немецкого пулемета. Быть может, вы слышали что-нибудь о вожде Мквава?..

Да, мы слышали о вожде Мквава.

Он был один из многих героев, не покорившихся немцам. Несколько лет отряд и прославленный вождь народа хехе были неуловимы. Большая награда за голову Мквавы решила исход борьбы. Мквава причинил так много хлопот колонизаторскому войску, что голову его сочли нужным послать в германский музей. Тело вождя народ хехе хоронил с почестями. Когда Танганьика перестала быть немецкой колонией, первой заботой страны была просьба вернуть голову Мквавы. Немцы ответили: «Головы в Германии нет». И только совсем недавно бременский музей вернул народу хехе пробитый пулей череп вождя.

В 1960 году Танганьика после долгой борьбы стала независимым государством. Слово «Танзания» образовано из названий добровольно объединившихся государств: Танганьики и Занзибара...

Обойдя берег у Багамойо, мы вернулись к развалинам португальского форта. Последнее слово стояря-проводника было о флаге над древней постройкой.

– Это, джентльмены, флаг моего государства... Сейчас я привык, а первый год у меня текли слезы от радости, когда я видел, как дрожит на ветру этот флаг... Я надеюсь, будет все хорошо. Но надо еще бороться и ждать. Я, джентльмены, не первый раз обхожу этот берег. Англичане и немцы приезжают сюда в богатых автомобилях. А я провожаю их так же вот, босиком. Это не потому, что в Багамойо все время тепло...

Мы попрощались с Джозефом. Вечерний ветер у океана шелестел в жестких пальмовых листьях. В аккуратной из белого камня католической церкви возле дороги звонил колокол. Благочестивый немецкий пастор в темной одежде с белым воротником созывал местную паству молиться.

Мы увидели странную репетицию. Высокий африканец стоял посреди круга девочек и мальчишек лет десяти. Взмах рукой, и к нам долетает звучное слово. Два-три голоса, потом хор. На поляне виднелись футбольные ворота, а чуть в стороне, под навесом, – столы. Мы догадались, что это школа, подошли ближе, представились и спросили: можно ли постоять?

Молодой учитель Мбария Бенефиций ничуть не смутился. Ученики тоже вели себя так же, как и минуту назад.

Шел урок африканского языка суахили. Учебников не было. То ли их вовсе не было, то ли шло повторение без учебника. Мы не все поняли в системе урока. Но было ясно: учитель изобретательно пользуется «наглядными пособиями», окружавшими школу со всех сторон. Мелькнула машина – взмах рукой на дорогу, и хор ответил: «Машина!» Учитель сорвал под ногами пучок травы, поднял его вверх – еще одно слово! По ходу урока начался вызов «к доске». Учитель протягивал руку и называл имя. Мальчишка от радости делал, видимо, вполне уместный кувырок через голову и становился в круг. Начинался перекрестный допрос-экзамен со взрывами смеха, с поправками хором, если «у доски» ошибались. Я первый раз в жизни видел, чтобы учеба шла с такой радостью.

Мы с Мишей смекнули, что тоже можем кое-чему научиться. Миша на английском поговорил с Бенефицием. Учитель кивнул и вызвал в круг смышленного мальчугана. Мальчишка, танцуя, вытягивал руки вперед, в стороны, поднимал кверху – и вместе с классом мы узнавали слона, буйвола, льва, носорога. Весь класс хором называл для нас нужное слово на суахили. Я записал на этом уроке: слон – тембо, лес – симба, жирафа – твига, гиена – физии, носорог – фару... Чай на языке суахили – «чай». «Мама», так же как и по-русски, – мама. И больше всего в красивом и звучном языке Африки мне понравилось слово «ребенок» – мтото.

В Восточной Африке много племен. У каждого свой язык. Язык же суахили – общий для всех. В любом селе на суахили кто-нибудь обязательно говорит. Знающий этот язык – свой человек в Африке. Истоком для суахили были языки африканские, индийский язык и арабский. На суахили написаны хроники, деловые труды и стихи, на суахили переводят Шекспира, и во всех школах Восточной Африки учат этот язык.

У моего спутника, корреспондента «Правды» Михаила Домогацких в кармане постоянно лежит словарь суахили. Ложится спать – обязательно достает: «два-три слова на сон грядущий»... Миша хорошо знает китайский язык и английский. Я с уважением гляжу, как он засыпает с книжечкой на груди. Кто-то из мудрых сказал: «Сколько человек языков знает, столько раз он человек».

Если 6 килограмм груза на самолет из Дар-эс-Салама стоил бы не шесть долларов, а раз в десять дешевле, всех московских друзей я одарил бы черными масками. Десять масок все-таки я привез... Лучшая маска, понятное дело, досталась мне. Сейчас, когда я сижу за столом, черное лицо большими глазами глядит мне в затылок.

Африканская маска дорога мне не только как память о путешествии, но и потому, что я видел, как поленца черного дерева рука человека обращает в предметы, которые с радостью покупают и ввозят из Африки во все концы света...

Мастерская резчиков стояла у дороги на север по побережью. Четыре кривых столба держали навес из пальмовых листьев. В тени навеса сидели семеро мастеров. Они кивнули на наше «джамбо!» и продолжали работать. Продукция многих дней лежала тут же на солнце. Можно было взять в руки и хорошо разглядеть: маску, рыбаков в лодке, полированных суховатых охотников со щитами, слонов, носорогов. Особняком стояли фантастические фигуры полужверей, полубогов и человеков, изогнутых, с переплетенными руками, оскаленных, искаженных гримасами.

– Маконде! – сказал старший из резчиков и поднялся, чтобы как следует показать черных уродцев. Слово «маконде» понимать надо было как стиль резьбы. При расспросах оказалось: семеро мастеров – выходцы из племени маконде. Племя живет на юге Танзании и давно славится резчиками. В последние годы искусство сделалось ремеслом. Резчики разошлись по Танзании, осели вблизи городов и дорог, где можно продать товар. Раза два в месяц

в эту артель приезжает из Дар-эс-Салама скупщик-индус. Но продается товар и здесь, всякому, кто остановится.

– Хотите вот эту маску – моя работа...

Старшего мастера звали Чилеу Корнелиус. На мой вопрос: «Можно ли тут, под навесом, разбогатеть?» – мастер понимающе усмехнулся, почесал глядевшие сквозь драную майку ребра и опять усмехнулся, не отвечая...

Мне кажется, маска у меня на стене хранит усмешку старого резчика. Все, к чему прикасалась рука мастера-человека, хранит отпечаток души человека.

Сбоку шоссе я увидел пятерых рослых ребят. Они ждали попутной машины. Один из них ударял в барабан, другой отплясывал, не выпуская из рук японский транзистор. Тут же лежала связка небольших барабанов, потрепанный зонтик и тыквенная бутылка с водой. Пятеро музыкантов спешили куда-то на свадьбу.

Это был единственный случай за сорок дней, когда мы слышали барабан. Почти все иностранцы увозят из Танзании барабаны, от маленьких, с детскую голову, до огромных «лоханей», обтянутых полосатыми зебровыми шкурами. Барабан сделался сувениром. Из обихода же барабан исчезает. Правда. Восточная Африка и не знала барабанного культа, какой до сих пор живет в глубине континента и на западных берегах. В городской квартире знакомого танзанийца мы слушали магнитофонную запись барабанов конголезской деревни. Слушали с большим интересом и любопытством. Но только африканцу понятно, как много может сказать барабан. В поездке я прочитал книгу писателя Лоуренса Грина. Он хорошо знает людей и землю, на которой родился и по которой много ходил и ездил. Вот свидетельства Грина о барабанах и барабанщиках.

«Ни одно событие в тропической Африке – будь то рождение или смерть, охота или война – не обходится без барабана, который разносит новости из одной деревни в другую».

Урок суахили.

«В Западной Африке самые искусные барабанщики. Их барабаны говорят в буквальном смысле. Но лишь недавно европейским исследователям удалось наконец выяснить, как именно барабаны передают информацию».

«На какое расстояние разносится бой барабана? Не так давно в районе водопада Стенли на реке Конго существовал барабан, звуки которого в ночное время тренированное ухо могло уловить и понять в Ятоке, в тридцати километрах от водопада вниз по течению...

Капитаны судов на реке Конго ежедневно прибегают к помощи барабана. Пароходы жгут там деревянное топливо, и барабаны заранее посылают сообщения на заправочные станции о том, когда придет пароход и сколько дров ему понадобится».

«Известия о знаменитом путешествии Стенли по реке Конго в 1877 году обгоняли самого путешественника на тысячи миль. Это один из случаев, когда с достоверностью был определен радиус действия барабанного телеграфа.

Другой замечательный случай передачи вестей отмечен в Бельгийском Конго в период Первой мировой войны, когда губернатор получил из Восточной Африки сведения о бельгийской армии. Барабаны передавали сообщения о ходе сражения и о потерях бельгийцев с большой аккуратностью и намного опережали официальные сообщения».

«...Самый крупный знаток барабанов племени ашанти Р. С. Рэтррей обучался игре на барабане. Вероятно, это был первый европеец, который узнал, что барабанный бой вовсе не африканская азбука Морзе. Барабан воспроизводит гласные и согласные звуки, ударения и паузы. Это, по сути дела, музыкальный язык.

Своих барабанщиков племя ашанти называет «небесными барабанщиками». Рэтррей узнал, что африканец может выстучать на барабане даже всю историю своего племени. Это делается во время праздников, когда барабанщики перечисляют имена павших вождей и описывают значительные события из жизни племени».

«Сначала бог создал Барабанщика, Охотника и Кузнеца – гласит предание одного из племен. Барабанщик в Западной Африке – лицо важное, и во многих племенах у него нет больше никаких обязанностей».

«В далекие суровые времена новый большой барабан окропляли кровью человеческой жертвы. Считалось, что барабан не может говорить должным образом, пока не услышит предсмертного человеческого вопля. Барабанщику, если он допускал серьезную ошибку, передавая послания вождя, могли отрубить руку. Теперь такого обычая нет, и только в самых отдаленных уголках барабанщик до сих пор может лишиться уха».

«Деревянные барабаны сделаны по тому же принципу, что и долбленые лодки. Одно племя их так и называет – «говорящие лодки»... На все барабаны натягивают кожу с уха слона... Искусство изготовления барабанов требует такого же умения, как и отливка колоколов».

«Рум... та... ра... рат... бум!» Белый человек слышит звуки – только и всего. Африка слышит их и понимает».

...Мы с полчаса посидели с бродячими музыкантами. Четыре их барабана молчали. И только один вторил музыке из транзистора. Ожидая грузовую машину, пятеро музыкантов коротали время, отплясывая под старую и новую музыку.

В наши дни столкнулись два чуда, древнейшее и современное – Барабан и Радио. Ясно, на чьей стороне будет победа. Африка героически воюет с отсталостью. Но грустно видеть, как часто у многих народов земли вместе с отсталостью уходит и самобытность.

Фото автора. 6 июля 1969 г.

Дорога

40 дней в Африке

Едем на север Танзании, в район заповедников. В честь поднятия парусов – памятный обед в гостиничном ресторанчике. В меню среди всемирно известных шницелей и бефстроганова мы выбрали четыре экзотических блюда: черепаховый суп, улитки, русский салат, яйцо по-русски. Черепаховый суп чем-то напоминал грибную похлебку. Улитки были обычными виноградными улитками. Еда гремела на тарелке, как ракушки на пляже. Улитку маленькой палочкой надо было достать из панциря и обмакнуть в соус. Яйцо было разрезано пополам и украшено листочком какой-то съедобной травы. Русский салат в точности повторял вкусную мешанину, какую готовят у нас в домах, когда много гостей.

За обедом Миша давал мне последние наставления:

– Запомни, в Африке не спешат. Человек, который спешит – самый презираемый человек. И еще: приезжаем в гостиницу, не хватай чемоданы. Все принесут...

Последний взгляд на дорожную карту, плотную и блестящую, как пленка. Мы будем приближаться к экватору с юга и проделаем по Танзании тысячу километров. В машине у нас палатка, мешок еды и всяких припасов. Голова у меня тоже подобна мешку – все перед этим прочитанное смешалось, и неизвестно, что будет хотя бы чуть полезным в дороге. Как в школе перед экзаменом, вспоминаю: озеро Танганьика – самое глубокое в мире после Байкала. Виктория – мелкое озеро, но размером уступает только Каспию и озеру Верхнему. В Танзании сто пятьдесят племен и народов. Есть муха цеце. Ливингстон умер в этих местах. Вспоминаю зверей, которые могут встретиться, и письмо матери перед отъездом: «Сынок, к слонам близко не подходи. Я видела на картинке, какие у них зубы...»

Дорога чаще всего пустынна. Но вблизи от поселков и деревень – оживление. Больше всего на дороге почему-то женщин. И все обязательно с ношей. И поклажа у них обязательно на голове. Вот старуха на голове несет связку дров, девочка спешит в школу – книжки на голове. Чайник, бидон, сверток, приемник, зонтик – все на голове. Вот молодуха несет ведро. На ведерке вторым этажом лежит еще сверток. Молодуха идет по-царски, неторопливо. У нее даже в мыслях нет, что поклажа может упасть.

Идущие по дороге встречаются на базарчиках, шумных, пестрых и бедных, как наши привокзальные базары во время войны. Тут все покупают на медные деньги. Бананы, картошка, разложенная кучками на земле. Кислое молоко в жестянках из-под бензина. Дешевая ткань и мятые ношенные пиджаки, мотыги, ржавые части от старых велосипедов. Тут же на базаре, у огонька, сидит какой-нибудь старик, продает жареную касаву. Белые корешки пахнут печеной картошкой. Еда завернута в кукурузный листок. В ладонь тебе сыплют перец, смешанный с солью. Если после этого очистить пару бананов, то можно сказать: пообедал.

Селений с дороги не видно. Зеленая стена буша подступает прямо к асфальту. И только дымок выдает человека. Надо разыскать лаз в зелени и уже по нему идти на дымок. Чаще всего видишь пять-шесть хижин из легких жердей, обмазанных глиной. В мусоре копаются куры, на веревке сушится кукуруза. Знакомство с деревней чаще всего тут и кончается. Пришедших встречает молчаливая настороженность. Незнание языка позволяет стоять минутудругую, и надо говорить «квахери» – до свидания.

Этот снимок я показывал Мише, когда скорость машины становилась слишком большой.

Как и везде, у дороги есть поселки, открытые всем ветрам и всем взглядам. Тут лавка со спичками, солью, мылом, консервами, сигаретами, пивом и вездесущей кока-колой. Бедность тут ничем не прикрыта. Тут сидят, лежат или отчаянно спорят о чем-то люди, ждущие у дороги случайной работы. Остановиться в таком поселке с попыткой фотографировать — пропащее дело. Сто голосов энергично требуют плату за то, что снимал костер, на котором жарится рыба, за то, что снял живописную хижину, за то, что прицелился в пролетающих птиц. Таковы давние отношения с белыми.

В одном из таких поселков я записал названия отеля и бара. Бар имел тростниковую крышу на гнутых столбах и вывеску «Парадайз», что означает «рай». Столь же бедный отель назывался отчаянно: «Лучше некуда». Это наивность или ирония бедноты, которой никак нельзя оставаться без юмора? Скорее всего, последнее. На той же дороге мы видели парня, на драном велосипеде которого висела надпись: «Аполлон-8»...

Часа два мы сидели на лесном пепелище. Мы не сразу поняли, что означают столбы синего дыма, восходившие из лесов. С высоких горбин дороги, когда горизонт отступал и непролазные дебри казались сверху мягкой зеленой топью, оглядевшись, можно было насчитать до десятка дымов. Над землей плыла пахучая пелена, знакомая нам по сибирским лесным пожарам. Стали попадаться пожары и у самой дороги. Местами надо было проскакивать в сплошной пелене дыма. От огня на асфальт выползали зеленые змейки и черепахи, бежала обычно скрытая зеленью четвероногая мелкота. В дыму с криком носились ласточки, ловили взлетевшую мошкарку. Никто огня не тушил. Было жутковато глядеть, как пламя с гулом кидалось на плотную зеленую стену.

Но вот мы увидели остывшее пепелище. Все было черным. Уцелели только стволы высоких деревьев. Они, как печи в наших сожженных войной деревнях, усугубляли печальное зрелище. Но люди, которых мы тут увидели, вовсе не горевали. Наоборот, все были веселы. Ребятишки что-то искали в пепле. Взрослые сидели у деревянного блюда с кашей.

Хозяин семьи встретил нас добродушно и, сказав «джамбо», поболтал в посуде из тыквы самодельное пиво. Он кое-как говорил по-английски и рассказал, что полгода назад на этом месте его семья подсекла лес. Солнце необычайно быстро превращает деревья в сушняк. И вот мы видим участок земли, почти готовый кормить людей. Правда, огонь не мог сделать все до конца. Надо собрать и дожечь сучья, надо корчевать обгоревшие пни, и только потом в дело пойдет мотыга.

На прощание хозяин рассказал волновавшую его новость. Приезжал из города парень местного племени. Собрал людей и показал «большую мотыгу». «Ее по земле таскают быки, и надо только чуть-чуть управлять». Речь шла о плуге...

У той же дороги, в северной части Танзании, мы увидели тракторы, пахавшие землю под плантацию сизаля. На тракторах работали африканцы... Европа от подсечного первобытного земледелия до машины прожила многие сотни лет. Африке этот путь суждено сделать в короткое время.

Даже без карты мы догадались бы: приближаемся к побережью – пальмовый лес, духота. У хижин лежали горы орехов. Карта обещала впереди городок с названием Танга-Парус.

Мы ночевали в Танге. Перебирая в памяти впечатления, сразу почему-то вспоминаю витрину вроде наших «Не проходите мимо». Танзанийцы обеспокоены модой, проникающей из Европы. На витрине висели снимки, бичевавшие местных модниц и щеголей. Действительно, черная молодая толстуха в юбке-мини выглядела забавно. Но витрина имела и «положительного героя». Красивая стройная африканка предлагала одеваться по-африкански: накидка из пестрой ткани через плечо до ног и скромный платочек. Но странно устроены люди – никак не хотят следовать положительным образцам. Именно в юбках-мини проходили мимо витрины темнокожие девушки...

Африканский поселок.

В день, когда мы увидели Тангу, город переживал маленькую сенсацию. В гостинице за обедом по рукам ходила газета. На снимке огромный порталый кран поднимал с корабля громадную рыбу. «Три тонны весом, – писала газета, – такого еще не бывало».

Мы поспешили на пристань. Рыбу уже разрубили и отвезли в холодильник. Но все разговоры среди рыбаков, их жен и мальчишек, бегавших по песку, были об этой рыбе. Поймали ее арабы, ходившие в океан на корабле под большим треугольным парусом.

– В большую сеть заходит большая рыба, – вздохнул молодой парень и стал со дна лодки швырять в корзину добычу.

Маленькая долбленка едва держала хозяина. Она бы перевернулась даже у берега. Но еще во времена Адама, наверно, были придуманы противовесы, не дававшие лодке стать душегубкой. Вся гавань кишела этими лодками, на них люди отваживались выходить в океан. О добыче на таких лодках газеты не пишут. Говоривший с нами рыбак подал жене дюжины три мелких глазастых рыбешек и прозрачного осьминога. Сейчас же рыбу нанизали на прутья и повесили над костром.

Весь берег кишел людьми. Рыбаки сортировали добычу, жарили, продавали, спали на теплом песке, уходили на лов. У воды валялись острые плавники акул, обломки носа рыбы-пиры. Остро пахло потрошеной рыбой, кострами, морской травой и человеческим потом. Танга – самое рыбное место на восточном берегу Африки.

Тысячи километров с юга на север уже достаточно много, чтобы увидеть: Африка не везде одинакова. Начало пути – зеленый тоннель. «Зеленый ад». Не будь дороги, именно так я назвал бы эту жирную плотную зелень, непролазную, непроглядную. Невысокую. Это не тропический лес, где на лианах качаются обезьяны. В этом лесу, называемом бушем, кустарник очень высокий, а деревья не слишком большие. И я не видел тут ни одного стройного дерева. Все перепутано, сплетено.

Надо специально остановиться, чтобы разглядеть, из чего состоит монотонная зелень. Но наши с Мишей ботанические познания не идут далее баобаба, банановых деревьев, тамаринда, манго и колбасного дерева, увешанного плодами, действительно похожими на прямые заплесневевшие колбасы. Ради интереса режем и пробуем «колбасу»... Несъедобно. Даже обезьяны брезгуют «колбасой». Зато кислые «огурцы» баобаба, видимо, подходящее блюдо – обезьяны то и дело мелькают на верхушках необъятно толстых деревьев...

За Тангой зеленая первобытность постепенно редет, и видишь уже культурную землю, завоеванную плугами. Безбрежные, колючие, как ежи, плантации сизаля. Сизаль – это пучок зеленых колючих сабель. «Арматура» листа, прочные белые нити – сырье, из которого вяжут самые прочные в мире веревки. И, видимо, много надо миру веревок, если полдня справа и слева мы видим плантации, поселки рабочих, кипы срубленных листьев и золотистые космы волокон, которые надо сушить, трепать, и только потом это станет продуктом, за который Танзании платят золотой денежкой. Беда, однако, в том, что немалая часть плантаций принадлежит не Танзании. Хозяин плантации – европеец, управляет делами индеец или араб, черные африканцы рубят сизаль. Мы остановились спросить у работавших, далеко ли до лавки, где можно купить воды, и постояли с тремя сизальщиками. На вопрос, сколько они заработают в день, парень с племенными насечками на щеках сказал:

– Четыре шиллинга, сэр.

В дорожной лавке бутылка фруктовой воды стоила один шиллинг...

Район сизаля – это место, где земля начинает горбиться, холмиться и синеть вдалеке горами с мягкими плавными очертаниями. Уже нет дремоты от монотонности зелени. Глазу открылись большие пространства. Деревья и кустарники поредели, они стали колючие и прозрачные. И хорошо видно: увешаны гнездами ткачиков и чем-то еще непонятным. Бегу посмотреть... Пасека! На деревьях как будто созрел урожай из дуплянок. Не сходя с места, насчитал тридцать восемь первобытных ульев.

Земля из черной постепенно сделалась красной. Это особенно хорошо видно на обрывах и термитниках – огромных сооружениях, построенных насекомыми. У одного из термитников стояла голенастая птица. Миша затормозил: «Это же секретарь!» Голова с перьями, как у старинных писцов, с любопытством глядела, как я наводил оптику. Потом птица-секретарь побежала, но, чувствуя, что у фотографа ноги проворнее, оттолкнулась и полетела.

Не считая обезьян и уползавшей от огня черепахи, это была первая за тысячу километров живность для съемки. Конечно, большая дорога – не лучшее место увидеть зверя, но Африка уже не кишит животными, как, может, кто-нибудь думает.

Машина, на которой мы едем, называется «Пежо-404». Французы бьют своих конкурентов – на африканских гонках по бездорожью автомобиль почти неизменно бывает первым. Африка покупает «Пежо» и немецкую прочную черепашку «Фольксваген». Когда мы съезжаем с асфальта, убеждаемся: наша «Волга» к бездорожью приспособлена лучше «Пежо». Но зато на асфальте «Пежо» становится чудом. Я с опаской гляжу на красную полосу, которая набухает под циферблатом. При отметке «100 миль» (160 километров) лицо у Миши становится вдохновенным, как у охотника, который вот-вот настигнет добычу. Возражать бесполезно. Миша считает, что я на рязанских дорогах отстал от жизни. Но когда я чувствую, что машина, как самолет, вот-вот оторвется и полетит, я достаю вырезку из кенийской газеты. На снимке – результат скорой езды: машина – в лепешку и носорог без движения. Картинка действует, но только самую малость. 120 километров. При этой скорости нас начинают обгонять даже «Фольксвагены». Шоферы, особенно африканцы, с любопытством оглядываются: «Чего это мы плетемся, как черепахи?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.